

Российский колокол

Альманах
2020

№ 3

Московская городская организация
Союза писателей России

Альманах
Альманах «Российский
колокол» №3 2020
Серия «Альманах
«Российский колокол»»
Серия «Литературный альманах
«Российский колокол» 2020», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62782877
Альманах Российский колокол №3 2020: Московская городская
организация Союза писателей России; Москва; 2020
ISBN 978-5-907350-71-7

Аннотация

«Писатель – это не тот, кто много пишет, это тот, кого много читают» (Михаил Генин). Именно поэтому наш альманах на протяжении уже второго столетия «зажигает» новые имена в литературе, давая писателям широкий плацдарм для их творчества и приумножая их читательскую аудиторию. Из номера в номер в наши творческие ряды вливаются новые авторы, а круг читателей нашего альманаха растет! От Калининграда до Владивостока, от Европы до Австралии... Нас знают, уважают

и восхищаются, что, несмотря ни на какие экономические и политические обстоятельства, нам удастся сохранять и поддерживать интерес к современной литературе.

Как и раньше, на страницах нового выпуска мы объединили обычных, но творческих людей разных поколений, стран и интересов. Людей, которые хотят сделать мир лучше и поделиться счастьем, наполнить окружающих своими эмоциями, опытом и позитивом. Каждый автор, с которым сегодня встретится читатель издания, уникален: талантлив, одарен и гениален. С каждым происходили невероятные истории в жизни, ставшие в итоге толчком к творчеству и написанию замечательных произведений. Простое счастье, истинные ценности, переживания и размышления о событиях прошлого, настоящего и будущего – этому и еще многому другому посвящен нетематический альманах «Российский колокол» 3 квартала.

Простота, живой слог, эмоции, которые передаются от автора к читателю, заключены именно в точных словах, в точных сравнениях и ассоциациях. И все это есть практически в каждом произведении сегодняшних мастеров слова!

Приятного чтения!

Содержание

Слово редактора	9
Современная поэзия	12
Екатерина Бархатова	13
Письмо	14
Царица осень	16
Параллельные миры	17
Все от любви	19
Александр Горностаев	22
Канатоходец	23
Клоунада	25
Связь времен	27
Вера Горт	29
Таханá Мерказит	31
Евгения Палетте	47
«Ольха в полунаклоне от сосны...»	49
«Набежит волна, коснется и отхлынет вскоре...»	50
«Я возвращаюсь. Будет ночь светла...»	51
Фрагмент из поэмы «Дорога без конца»	51
«Счастье пишу. Осторожно, почти не дыша...»	52
«Под красный свет, под красный свет...»	53
«Ты здесь? Не торопись. Откуда и куда...»	54

«Как радостна и как тиха она...»	55
Фрагменты из романа в стихах	57
«Все станет на свои места...»	59
«Как ярок свет. Слепит как никогда...»	60
«Ущербная луна. И над Босфором сизым...»	61
Татьяна Панкова	63
Не привыкать нам побеждать...	64
Геннадий Рязанцев-Седогин	67
Непросветленная душа	68
Последний солдат	69
Памяти брата Юрия Николаевича	69
Путем зерна	70
Старуха	71
Поэт	72
Торжество зла	73
Печаль земли	73
Элегия	75
«Не приемлю холодные храмы...»	75
Павел Савилов	77
Звезда Рождества	78
Элегия	80
Поджигатели, или Расстрел в Кремле	84
Ноябрь	86
Вечер на Неве	88
Осень	90

Река	92
Раздумья ночью у окна	94
Птичка	95
В лесу осенью	97
Среди волн	99
Наполеон на острове Святой Елены	101
Борис Страхов	104
Неправильный народ	105
Антону Дельвигу и его друзьям	110
Геннадий Швец	115
Львиное соло	116
Юрскому	117
Печаль	119
Акrostих	120
Шутка	120
Писатели Забайкалья	121
Петр Перминов	122
Родника исток	123
Валерий Тытенко	125
«К тихой речке...»	126
«Я рай познал с тобой нетленный...»	127
Я помню...	127
Современная проза	129
Рамиз Аббаслы	130
Отравленный кофе	131
На необитаемом полуострове	140

Альманах Российский колокол № 3 2020

Слово редактора

Анастасия Лямина

Шеф-редактор журнала «Российский колокол», журналист, публицист

Хороший литературный слог – основа успеха любой книги

«Писатель – это не тот, кто много пишет, это тот, кого много читают» (Михаил Генин). Именно поэтому наш альманах на протяжении уже второго столетия «зажигает» новые имена в литературе, давая писателям широкий плацдарм для их творчества и приумножая их читательскую аудиторию. Из номера в номер в наши творческие ряды вливаются новые авторы, а круг читателей нашего альманаха растет! От Калининграда до Владивостока, от Европы до Австралии... Нас знают, уважают и восхищаются, что, несмотря ни на какие экономические и политические обстоятельства, нам удастся сохранять и поддерживать интерес к современной литературе.

Как и раньше, на страницах нового выпуска мы объединили обычных, но творческих людей разных поколений, стран и интересов. Людей, которые хотят сделать мир лучше и поделиться счастьем, наполнить окружающих своими эмоциями, опытом и позитивом. Каждый автор, с которым сегодня встретится читатель издания, уникален: талантлив, одарен и гениален. С каждым происходили невероятные исто-

рии в жизни, ставшие в итоге толчком к творчеству и написанию замечательных произведений. Простое счастье, истинные ценности, переживания и размышления о событиях прошлого, настоящего и будущего – этому и еще многому другому посвящен нетематический альманах «Российский колокол» 3 квартала.

Простота, живой слог, эмоции, которые передаются от автора к читателю, заключены именно в точных словах, в точных сравнениях и ассоциациях. И все это есть практически в каждом произведении сегодняшних мастеров слова!

Приятного чтения!

Современная поэзия

Современная поэзия

Екатерина Бархатова

Родилась в 1974 году в маленьком городке Свирске Иркутской области, на берегах реки Ангары – единственной реки, вытекающей из Байкала. Детство и юность прошли в Тобольске Тюменской области, древней столице Сибири. Окончила факультет романо-германской филологии Тюменского государственного университета с дипломом лингвиста и преподавателя английского и немецкого языков в 1997 году. С 1999 года живет в штате Коннектикут в США. С 2004 года преподает английский язык как второй в общеобразовательных школах в городе Нью-Хейвене, знаменитом своим Йельским университетом. В 2008 году начала писать стихи. В основном пишет лирические стихи на любовную, философскую, гражданскую темы. В связи с рождением двух маленьких дочек начала писать стихи и прозу для детей. С 2012 по 2019 год опубликовала в США на английском и русском языках четыре детские книги под псевдонимом *Katya Romanoff*. С 2012 года начала печатать стихи на портале www.stihi.ru. В 2016 году была принята в члены Российского союза писателей, в 2019 году – в кандидаты Интернационального Союза писателей.

Письмо

Ну здравствуйте, мои хорошие,
Давно мы с вами не видались,
Седьмое лето за порошами

Настало здесь, как мы расстались.
Как я живу? Весьма неплохо,
Но все чего-то не хватает,
Порой не сделаешь и вдоха,
А день и ночь уже растают.
Ращу детей – они отрада
Моей душе, повинной ветру,
Быть может, так судьбе и надо
На ласки быть не слишком щедрой.
Вы помните, Толстой сказал:
Мы – только мы в своем несчастье.
И если жизнь – большой вокзал,
То поезд мой идет отчасти.
Он то пыхтит, то вдруг покатит,
То позабыт на полустанке.
Боюсь, что времени не хватит
Нагнать фатальные стоянки.
Я опоздать боюсь на жизнь,
Пусть мне осталась половина.
Давай, чуть больше красок брызнь
На однотонную картину!
Увы, опаздывать – мой крест.
Бегу на самолет,
Пока сказали: «Нету мест,
Других возьмем в полет».
Во мне досада сродни страсти,
Еще не хочется простого.
«Мы – только мы в своем несчастье».
Иль как там было у Толстого?

А впрочем, жаловаться – грех,
Несильно уж меня мотает,
Живу, друзья, не хуже всех,
Хоть все чего-то не хватает...

Царица осень

Парчовые платья надели,
Рубины вплели в волосы,
Иные кафтаны прибрали
Под шелковые пояса.
Монисты из яхонтов, злата
Звенят на удалом ветру,
А кто не успел – сарафаны
Сменяет на бархат к утру.
Разряженные подмастерья
Собрались на царском балу,
Стоят в ожиданьи хозяйки
В надежде снискать похвалу.
И вот величаво, степенно
Ступает царица сама.
«Одна я владычица, – молвит, —
Пока не явилась зима».
Своими устами как сахар
Целует всех по порядку,
И рдеют их щеки все гуще
От этой ее повадки.

И с ветреным каждым порывом —
В поклоне пред ней до земли,
И лица дождем умывают,
Лишь только она повели.
А я нахожусь в ротозеях
В ликующей пестрой толпе
И «браво» кричу в поднебесье
На рыжей извечной тропе.
В глубоком своем восхищеньи
Пытаюсь поймать ее взгляд,
Воздушные шлю поцелуи,
Влюбленная в дивный парад.
Ах, осень – царица, бесспорно,
Моей беспокойной души.
В ее б только сонных дубравах
Мне жить... Никуда не спешить...

Параллельные миры

Мы живем в параллельных мирах,
Параллели – они бесконечны.
Из домов одиноких мечты
Ускользают наверх – в Путь Млечный.

Через стены миров из стекла
Наблюдаем друг друга пристойно.
«Эй, привет! Как семья? Как дела?» —

Обронить на ходу – и довольно.

В лабиринтах земной суеты
Бег по кругу – наш общий удел.
Соблюдаем условность игры,
Миров наших известен предел.

Вот бы нам повстречаться однажды
В другом мире – не параллельном,
Чтобы был он как розовый сад,
Где царит доброта безраздельно.

Мы б в глаза посмотрели друг другу
И простили и правду, и ложь,
Мы б увидели: все мы – люди,
Пусть мы разные – ну так что ж?

Да и разница эта ничтожна:
Что с того, что тот – молод, тот – стар,
Когда злые слова неподложно
В самом сердце взметают пожар?

Что с того: ты богат, а я беден?
Не меняется суть вещей:
Несмышленные хрупкие дети
Мы с тобой во Вселенной, поверь.

Одно важно – что мы похожи,
Потому что мы любим жить.

И нам жить в веках, только все же
Не порвать бы людскую нить.

Не вспугнуть бы нежные речи,
Что идут глубоко из груди,
Сохранить бы тепло человечье
И другим передать по цепи.

Мы ведь только любовью живы,
В остальном мы навряд ли уверены:
Вдруг миры наши пересекутся,
Даже если они параллельные?

Все от любви

Все девочки с рождения – принцессы,
Смешливые чудачки без секретов,
И, несмотря на разные прогрессы,
Сей факт не изменить зиме и лету.

Они – прелестные невинные создания,
Что обожают куклы и конфеты,
Пока их детство не прервет свидание,
Во взрослый мир их увозя в каретах.

Кого-то – в срок, кого-то – очень рано,
С другими запозднится отчего-то,

И уезжают девочки от мамы
На поиски желанного кого-то.

Принцессы вырастают в королевы,
Но что-то вдруг не так идет в процессе,
И правое вмиг путается с левым,
И забывают прошлое принцессы.

А женщины, предавшие забвению
Свой королевский ранг и свою кровь,
Обречены отдаться во владение
Добра иль зла, но выше всех – любовь.

В одном стремлении постичь заветный берег
И вымерить блаженство своей мерой
Одна из тысяч станет чистой Сольвейг,
Другая станет обделенной стервой.

И третья любовь принца, как по книжке,
Сменяет на куст роз и соловья,
Четвертая в одеждах серой мышки
Не побежит к любимому в поля.

И кто-то станет сущей ведьмой с горя
От óтнятой, растерзанной любви,
А кто-то станет жить как ветер в море
И мотыльком порхать, лишь позови.

Но те, прошедшие врата и круги ада

И уцелевшие в любовных жерновах,
Взойдут на трон, простив себе утраты,
И королевы вновь в своих сердцах.

Некоролевы станут верить в старость,
Несчастья свои оставив визави.
Даруй, Господь, им утешенья малость,
Ведь от любви у них все, Боже, от любви.

Александр Горностаев

Родился 25 июня 1962 года в Тамбовской области. Окончил два высших учебных заведения в Саратове. В конце восьмидесятых – начале девяностых активно публиковался в различных областных и городских изданиях Саратова и Тулы.

Стихи звучали по радио, были выступления по областному телевидению.

В 2002 году издал книгу «Галактик вьюга». В 2018 году после долгого перерыва в творчестве появилась вторая книга – «Подсолнухи». В нее вошел цикл новых стихотворений и наработки предыдущих лет. В 2019 году вышла третья книга – «Третье небо».

Публиковался в журналах «Волга – XXI век», «СовременникЪ», в альманахах и сборниках. Обладатель Гран-при областного конкурса, проводившегося под эгидой Союза писателей.

На сегодняшний момент готовы к изданию еще две книги: «Стихопроза и прозостишия» и рассказы про детей «Калейдоскоп историй детства». Автор ищет спонсоров для издания книг.

Канатоходец

Если в карму поверить, то был я циркач,
В прошлой жизни ходил по канату;
И содружество звезд мне внушало сверкать

Равновесья высоким талантом.

Без страховки наверх выходил,
Понимая: нельзя оступиться.
Лишь быстрее сердце билось в груди,
Не слабел тренированный бицепс.

Но однажды, уставший от травм,
Не попал в ритм привычного танца...
И паденья смертельного страх
Мне из той жизни смог передаться...

В нови дней я замечу растраченность сил —
Будто прежний ходок по канату.
Вот и жизненный смысл, как судьбы балансир,
Ускользает из рук потерявшего хватку.

Можно стресс тяжелой кармы изжить и забыть,
Отдалиться от дел, отойти от событий.
И на скользкой, на тонкой опоре судьбы
Перестать вечно делать кульбиты.

Для чего же земной организм
Просит снова опасности дозу,
Чтоб партнершу, сошедшую вниз,
Поразить мастерством виртуоза?

Я с подошв кровь стремлений оттер и смотрю,
Не прельщенный ни славой, ни лестью,

Как наверх, словно в счастья восторг,
На канаты свои обреченные лезут...

Клоунада

Поэт или клоун, иду на руках.

А. Мариенгоф

Але гоп!.. Идущий поэт на руках
На публику – кубарем... как на арену,
Где тигров следы на зеленых коврах
И клетку еще не убрали за сцену.

Серьезность моих лучших мыслей и тем
Уверенней выразит солнечный клоун —
Насмешник, паяц, сотворитель затей,
Что чуток к репризам и к слову.

Пока я бросаю одну за одной,
Жонглируя сходу, тирады и рифмы,
Как тень, кто-то там у меня за спиной
Стоит и себе здесь не кажется лишним.

Неясен мне сзади невидимый фон.
Но понял я, словно иное постигнув,

Что держит он кнут, револьвер у него
И общий прикид укротителя тигров.

Он движется медленно влево... вперед...
И вот наконец он выходит из тени
Хозяином наших тревог и забот,
Указчиком взлетов, прыжков и падений.

А что? Может, снова кошмарно в стране?
Зверей и людей назначают всеобуч.
И просто приближен для теста ко мне
Лицо обжигающий обруч.

Так что же, он думает, будто я зверь,
Коль в жизни, как в цирке, дурачусь?
И старой системы его револьвер
Не только для тигров арен предназначен.

Животные в очередь встали и прыгают тут.
Одни – неохотно, другие – согласны,
Ведь в обруч горящий каждый летун
Всегда поощрен сахарком и колбаской.

Огня не боюсь я, огонь мне как брат.
Душа моя огненна – в правде и вере.
Но если я прыгну – возврата не будет назад
И в клетке останусь прирученным зверем.

Я клоун, затайник любви и тоски,

Последний кривляка средь правильных граждан.
Я сам выбираю свой путь и прыжки,
С которыми совесть согласна...

Связь времен

Мне Гамлета писать бы, друзья.
В. Высоцкий

Тогда была у нас эпоха из эпох...
В космическую высь вовсю вели полеты...
Но кто в поэзии был истинно неплох?
Не эти же официоза рифмоплеты.

И тот, кто заслонял желанный неба свод
Творцам, мыслителям, стихам Высоцкого,
Теперь до самой смерти славно доживет,
На Соловки позорных дел не сосланным...

И мне иного зла эпоха не благоволит,
Выпрашивает мзду за слог мой в публикациях.
Хоть предъяви им славы будущей гранит,
Дельцы моих времен не станут каяться...

Они и в будущем сподобятся кивать,
Любых эпох успешные любимцы,
Произнося про сгинувший талант слова

Красивые, как блеск медалей проходимцев.

А я кричу везде, что буду знаменит,
Что мне пора за Фауста, за смыслы мира взяться.
Но неподъемного молчанья монолит
На сердце мне поставлен... В небо не подняться...

Вера Горт

Киевлянка до 1973 года. А потом уже в Хайфе и под Хайфой – в Атлите.

Киевская школа № 135, учительница речи (а значит – и вещи, и знака вещего) Эвелина Шорохова – важнейший персонаж из повести жизни Веры Горт, ставшая в 2000 году редактором и корректором ее «Книги Псалмов».

Горьковский институт водного транспорта... Чертежи... Корабли... Ребята и девушки.

Киевский судостроительный завод «Ленинская кузница», «семейное» ее предприятие, так как отработали на нем в сумме сто лет: бабушка, папа, мама и сама Вера.

Супруг Веры Александр – первый и наипридирчивый критик ее текстов – промышляет электричеством.

Дочь Мейталь (что по-русски означает «Росинка») – красивая, 39-летняя...

Из друзей особенно любит преданных, из стран – особенно Грузию, в честь которой написала сонату (словесную, конечно), пересказала (чтоб не произнести бранное слово «перевела») часть эфемер Галактиона Табидзе. Книжица «ЭФЕМЕРЫ» включила и ее собственную «Сонату Грузию».

Третье издание «Книги Псалмов» (царя Давида, жреца Асафа, трех Кораховых сыновей-певцов, Моше-пророка, царя Шломо, Эйтана-мудреца) вышло в 2015 году. Вера извлекла из-под спуда молитвенности Псалтыря их поэзию и выдала ее на-гора современным бытовым и одновременно романтическим слогом, сохраняя верность смыслу, объему

строфы и, за редкими обоснованными исключениями, буквы. Книга получила премию им. Давида Самойлова.

И вот наконец-то ее собственный поэтический сборник «Вещи и Вещицы», включивший в себя все, что сделано ею на сегодняшний день.

Живет в Атлите под Хайфой. Окна – на уровне крон кедровых сосен.

Таханá Мерказит **Центральная Автобусная Станция**

1

Июль изранил и обжег Израиль.
А при жаре —
как при царе:
прогон сквозь строй
под шомполами солнца – в ад из рая —
полуденной порой.

Вот древо цеэла в кровавых клочьях.
Ах, что с его спиной... Ах, как клокочет
в сутулых поротых полушарах
с повальным выплеском из рваных почек
кровь... Кровь!.. А не шарлах.

Как были сизы киевские парки!..
Полны́ то снежных, то туманных глыб,
но с неких пор, пастельный мир забыв,
я хайфская, где все посадки – ярки.
Здесь не найти холодногаммной грядки,
лишь пламенные, василек здесь – миф.
Глаз рвется к морю с круч, но при оглядке
наотмашь алым бликом бьет залив.
Асфальт тягуч – прихватывает пятки.
Подножка. Надпись: «Хайфа – Тель-Авив».

В автобусе – мороз. Снаружи – кроны
казненные!..
Мне хоть бы сквозь стекло
тончайшими перстами взгляда тронуть
их души в гнездах ран, чтоб злу назло
досталась им предгибельная ласка!
Дотягиваюсь – нет, не кровь, не краска,
а лепестки!.. От сердца отлегло.

2

За нами – порт, где каждый трюм, по слухам,
догнавшим нас, хоть мы и резво мчим, —
покачивается китовым брюхом,

столь перегретым, что почти живым;

заразна жизнь! – и мертвые товары
на днищах стали на подъем легки:
меняют позы, лóбмятся из тары
и перекидываются в грузовики;

а те, рыча, стоят уже на трассе;
пеньковые канаты в кузовах
на бухтах привстают, как кобры, в трансе
от редкостного счастья оживать,

заглядывать за борт в соседний кузов,
таких же полный такелажных грузов,
чтоб в параллельной гонке наконец,
под перестук двух дизельных сердец,
с соседским вёрвием связаться в узел,
навстречу им рванувшимся с колец.

3

Рекой-шоссе плывут стволы секвойи:
полтуловища на прицеп легло,
ствол на стволе, они как плот двуслойный,
их двое, двое, двое, двое, двое...
Сук одного фиксирует дупло

ствола другого, чтоб при встряске врозь их
не повело.

4

Овечьи шкуры, хлопок из Египта...
Я – слишком я, я слишком в стороне
была от груд и ворохов... от флирта
легчайшего... с созданными извне...

Рекой-шоссе плывут тюки и кипы.
Я чую их нечужеродность: в них бы —
в горячих, в пухлых – затесаться мне...

Ведь Щупальце Небесное за темя
меня из всяких скопищ – знай одно —
лишь беспощадно извлекало, но
сегодня я со всеми, я со всеми,
я вхожа в ход вещей, я заодно!!!

В мешках и в бочках тесно и темно:
там шепчется подсолнечное семя
и друг о друга плещется вино...

5

С хребтов, готовых к возрождению туров,
в реку-шоссе впадают речки троп,
неся кибу́чные поделки лучших проб:
от шлепанцев до шляп и абажуров,
от вентиляторов до вееров...

Из-за границ, оставив дома пяльцы,
струится шелковый материал:
халаты переливчатого глянца,
на них драконы в полный рост. Непал
их скрупулезно гладью вышивал...

Центральная Автобусная Станция —
всему привал.

6

Все остановится, застрянет на асфальте,
на досках, на ладонях, на лотках...
«Аз ка́ма? Кам юка́ллеф? Ква́нто ва́ле?
Почем?» — «Ей-богу, даром! Ах, оставьте!» —
на четырех веселых языках...

Что ж до секвой, то те еще не вскоре
окажутся в кишасщем вечном скопе,
они еще прилягут на станок,
где их нарежут мелко поперек,
они пойдут на столики под кофе,
под шахматы, под локти, под пирог...

7

Задремываю...

В полусне внезапно
мне три плюс три, а маме – тридцать три.
Мы в Сочи. Мы уедем послезавтра
в осенний серый Киев... «Ма, смотри,

какие листья падают на гравий!»
Оранжево-малиновый гербарий
я привезу в подарок школе... Бриз
их шевелит, кружит... Сто первый лист
молю ее поглубже спрятать в сумку,
уж та полным-полна, и, пряча взор,
мать тайно потрошит ее – в упор
не видя на моей мордашке муку,
отборный ворох возвращая в сор...

Она – мулатка, мама... Не загар ли тому виной? Нет-нет, густой копной обрывки жженной плиточной спирали клубятся у нее над головой...

(Сравнение могло быть и пометче: ее курчавость проволочной мельче и металлических витков полегче...)

Она застыла на скамье, одна, курортным отдыхом опалена, на ней был белый сарафан, и плечи жглись парой фитильков из белой свечки...

Я любовалась ею, мной – она...

Невэсть откуда взявшись, некий сударь присел на краешек ее скамьи: по-царски прям, Романов впрямь, стиль, удаль угадывались в нем, вмиг безрассудно я избрала его главой семьи.

Он не кивнул нам, не взглянул и мельком на женщину, которой так под стать пришлась покатошь парковой скамейки, не расхвалил ей дочь пред тем, как встать...

Не юн, не стар, но, с тростью не по моде, он был одет не по погоде в плащ — киношный лорд... Он думал: «Дождь? Нет, вроде безоблачная синь!.. Зенит горящ!»

Он не сказал нам «здравствуйте!». Назавтра
в курсовочной столовой нашей завтрак.

Мы оказались за одним столом.

Мы ели: мама – молча, я – с азартом,
куражась, хохоча с набитым ртом,
за вилку взвитуую цепляясь бантом...

Мы были за столом – как за бортом...

Бог нас не спас... Лорд настоял на том...

Она была красивей, я – отважней...

Дендрарий, полный листьев, стал бумажней...

Ей – сак, мне – узел из подстилки пляжной,
как будто мы готовили побег.

Из Сочи мы уехали с пропажей
былой любви друг к другу и к себе...

8

Спыхватываюсь...

Пестрая орава

вещей, вещиц въезжала в Тель-Авив,

они держались цепко – вида вид,

при выгрузке парясь – се ля ви!

Нашествие любви! Любви облава!

Нагромождение любви!!!

9

Толпа шумела,
шаталась, жалась, превращалась в ком...
А ты был не таким, как все кругом.
Ты был в толпе последним из шумеров,
владевших клинописью как клинком,
из тех поэтов, что своим стихом
всего острее самих себя увечат.

В тепле толпы дозрела наша встреча.

Автобус твой причаливал к толпе
не с севера, как мой, а... с Междуречья!..
Чтоб в центре рынка – в гуще человеческой —
меж стоп твоих застрять моей стопе...

10

Мы обнялись, как будто мы знакомы.
Полкосмоса – за мной, пол – за тобой —
бесполье пространства! Но истомы
вот и они полны в июльский зной,

и друг по другу неумной страсти,
и небывалой – у пустот! – тоски,
бесплотные стихии – для объятий,
какие им, безруким, не с руки, —
они присвоили себе две наши стати
и взяли нас в любовные тиски
на лучшей – для соития стихий —
из всех Автобусных Центральных Станций.

Мы оказались на любовь ловки:
так всеми фибрами и с ними иже
совпав... так все отдав... так взяв взамен...
так сплошно сдавшись во взаимный плен...

Толпа нам подготавливала ниши
для пяток и локтей, на время лишних,
для на́ стороны сбившихся колен...

11

А если рынок становился сонным,
а страсть нас смаривала наповал,
зенит свое перо в нее макал
и подстрекал ее на новый шквал
уколом в око – отраженным солнцем
от люстр хрустальных, блесков и зеркал...

Ты так углеволос!.. Я взрыла копны —
те бились штормом в пятипалый риф...
Толпа плыла, расплескивая кофе,
мы уклонялись сменой поз и корчей
от жгучих клякс, а ты, бежевокожий,
чертил наш пляс, так правя наши кости,
как требовал того твой древний, колкий,
военный, угловатый, ломкий шриффт...

Две белых майки, полуобнажив нас,
сшептавшись на побег, сползли с руки...
Штанина о штанину терлись джинсы —
искрились и спекались их замки
и капали на землю плавкой дробью...
Артерий пара, вздутая любовью,
вдоль наших горл взорвалась, но потом —
моя с твоей – срослась вдоль рваных кром,
чтоб жизнь текла
по двум телам
единой кровью...

12

Толпа не замечала нас вдвоем,
обвитых шеями: ведь наши лица

смотрелись порознь – с разных двух сторон...

Базар при Станции – не заграница
ни для кого: здесь торг, здесь люд роится,
в ходу блины, фалафель, шварма, пицца,
наполеон...

Толпа смещается – базар кренился,
непотопляемый в волнах времен...

13

Похолодало... У ноги – подножка...
Морозец из распахнутой двери...
Прихватывая рану и одежду,
вхожу нечаянно... сажусь к окошку... —
рефлекс! Хоть и условный... Изнутри,
опомнившись, кричу: я понарошку!..
Я выхожу!!! Водитель, отвори!!!

Спаси от странного самоизгнания
из рая в ад!!!
Еще я плод познания
до зерен не догрызла!!!
Это лорд,
обидчик старый из воспоминанья,

заставивший атакой невниманья
покинуть субтропический курорт
двух женщин в спешке, в страхе опозданья
обратиться прочь до нового страданья, —
тот сноб, «воображала первый сорт!»,
заколдовал нас тем, что был к нам мертв,
в рабынь автобусного расписанья...

Страх упустить мотор
с тех пор
остер!..

Пока мы огибаем рынок с края,
верни меня в толпу! Подбрось в костер
поленце, выпавшее из огня! Я
божусь на свитках Торы из Синая,
что долюблю... дотла!.. Открой, шофер!

14

На вираже – нельзя. Толпа редела.
Экспресс на Хайфу был уже в пути.

Домой... от куч непроданных изделий,
укутываемых до завтра, от затеи
моей бесплодной, от подсчета денег...

Ох... знает каждый, что оно на деле:
не оправдать надежд, сдать, подвести,
не выполнить чьего-либо задания —
учителя... вождя... А я... а я...
я провалила планы мироздания!!!
Ом мани падме хум!.. Ойя!.. Ойя!..

15

Экспресс был, что ли, подан рановато...
Мне б пнуть его – отстал бы: ведь умны
автобусы, как в Индии – слоны...
Не будет наших близнецов... Я виновата!..
Они бы, названные Астр и Навта,
на Марсе были бы поселены,
как Ева и Адам у нас когда-то,
для оживления бездетного ландшафта,
для сева вдоль каналов олеандра,
так Космос и задумал, вероятно...

А мы бы о планете красноватой —
уж дед и бабушка – глядели б сны...

16

В автобусе любой как в ловчей клетке
меж мягких спинок. Тлеют шины. Гарь.
Водителю кричат, но он – глухарь,
как тот не подмигнувший малолетке
случайный сударь, в профиль – русский царь.

17

Я... если выживу... Народ здесь кормлен,
смешон, причудлив, щедр и говорлив.

Здесь битум обитаем: в щелях – корни.
Здесь – чу! – Теодоракиса мотив.

Уж солнце, отработав смену шкивом,
ремень швырнув луне, сошло к воде,
перекатившись через нас лениво.

Здесь смерти нет, живое – дважды живо.
Здесь трижды неуместно быть в беде.

Для беглых здесь – страна слобод и вольниц.

Здесь хвоя рощиц и бурьян околиц.
Израиль полон ящериц и горлиц —
здесь как нигде.

Евгения Палетте

Родилась во Владивостоке в семье флотского офицера. В 1946 году отца перевели служить в Калининград, тогда еще Кенигсберг, где еще жили ожидавшие депортации немцы. (Роман «Пейзаж с голубым до самого горизонта».) Пройдут годы, и она напишет: «... если не будет того, что мы называем воспоминанием, мы перестанем быть собой. Что я без этих двух рукавов Прегеля, без Замкового пруда, без каштанов и отголосков в моем воображении Замковой трубы, которая звучала в полдень в рассказах тех, кто сюда возвращался?.. Что я без Доршхауза, без его любви и ненависти, смешанной с непониманием и желанием понять, чтобы раз и навсегда сделать свой выбор в пользу добра, искренности, чтобы приблизиться к Человеку? Чтобы приблизиться к тем, кто и сейчас стоит на пьедесталах Посмертной Славы».

Здесь, в Калининграде, прошла вся жизнь писателя. И профессия врача тоже, думается, была выбрана не случайно. Сначала медицинский колледж, затем химикобиологический факультет Калининградского университета, после – специализация по медицинской микробиологии. Преподавала в медицинском колледже, который окончила сама, работала в СЭС, но никогда, ни в какие времена не оставляла скорую. Со скорой связано 40 лет жизни, которые прошли как один насыщенный и болю, и преодолением, и радостью, и благодарностью день.

В 9 классе неожиданно пришли стихи. И тогдашний главный редактор газеты «Страж Балтики» отнесся к ним благо-

склонно.

Потом были повести, рассказы, романы, в том числе в стихах. Опубликованы романы «Пейзаж с голубым до самого горизонта», «Квадрат», «Алиби», «Интрига», «Бенефис». В Германии издана повесть «Агнесс». Издано несколько книжек стихов. И всюду маленькая жизнь одного человека, впитавшая в себя жизнь тех, кто рядом, которая вдруг кому-нибудь может показаться значительной.

«Ольха в полунаклоне от сосны...»

Ольха в полунаклоне от сосны
Мятежной кроной ловит равновесье,
Чтоб удержать его на редколесье
С подветренной сегодня стороны.

На редколесье, где горька роса —
В ней больше соли, чем соленой влаги, —
Клинком песчаным режет на бумаге
Поверхность моря Куршская коса.

Не прерывает линию извив,
Нарушивший пространства монотонность,
Сквозных ветров снующую бездомность,
Безмолвье дюн, шагающих в залив.

Два глаза белки в серебристой ели,

Два уха зайца – слева, под сосной.
Все – тишина. Мгновенья, дни, недели —
Все говорит и дышит тишиной.

И выпукло, и беспощадно зримо,
Что было и чему уже не быть.
Уже далекий, но еще любимый,
Как страшно с тишиною говорить.

«Набежит волна, коснется и отхлынет вскоре...»

Набежит волна, коснется и отхлынет вскоре.
Веткой ветер встрепенется, возвратится в море.
Запах ночи унесется в утро с ночью вместе.
Ничего не остается на одном на месте.
Ничего не остается – ни дождя, ни лета.
И хвоинка вдруг сорвется, улетит в примету,
За которой нет ненастья, за которой – воля.
Но не счастье, нет, не счастье, пустота – не боле.
Улетит да возвратится, чтоб однажды снова
Вдаль уйти за дальней птицей кораблем сосновым...

«Я возвращаюсь. Будет ночь светла...»

Я возвращаюсь. Будет ночь светла
И ясен день в душе моей отныне.
Туда, где на сосновых иглах стынет
Прозрачная, как истина, смола.
Где облака над озером в кольцо
И видимое за ними еле-еле
Лицо зари, как женщины лицо,
У самой у озерной колыбели.
Там конь крылатый тайну стережет
Пока еще не найденного слова.
Но это слово есть. И слово жжет
И неизменно возвращает снова
С любой дороги, с Млечного Пути...
Туда, где озеро. Вот только бы дойти...

Фрагмент из поэмы «Дорога без конца» (о Ледовом побоище)

Говорят в ночи подковы.
Кони сытые – вразлет.
На Узмени старой новый
Зазвенел озерный лед.

Гул и топот. Гул и топот.
Ветер, бурю не свищи!
Слышишь, слышишь, хищный клеткот...
Видишь – белые плащи.
Скачут – свист над головою —
По греховные дела.
Их, гляди, опять к разбою
Путь-дорожка привела.
Завела метель-дорога.
Замела метель следы.
Уж не дьявол ли в подмогу
Ей, предвестнице беды?
И о чем-то снова, снова
Меж копыт и звон, и спор.
Разговор ведут подковы,
Бесконечный разговор...

«Счастье пишу. Осторожно, почти не дыша...»

Счастье пишу. Осторожно, почти не дыша,
Прикасаюсь к нему, его легкому шагу
По земле. И беру понемногу, что взгляд унесет,
Чтобы перенести каждый крохотный квант на бумагу.
Квант из воздуха счастья. Высокий полет
Журавля и синицы... И то и другое – вдали.

Но зато облака до восторга, до праздника рядом.
Я беру их, совсем не касаясь глазами земли,
И – одни лишь глаза, не касаясь тебя еще взглядом.
И, не слыша пространства, трамвайных звонков и сирен,
Слышу только одну надо мною повисшую фразу:
«Вы кого-нибудь любите? Только не сразу
Отвечайте»... И чувствую, чувствую плен
Этой фразы и пальцев волнение.
Пальцев, пишущих глаз твоих прикосновение.
Пальцев, пишущих счастье в его первый день.
И спешу написать. И боюсь торопиться,
Как боюсь ему плоть дать, дыхание, тень,
Дать себя обрести и потом уже не возвратиться
В этот миг, вдруг принесший весну и сирень,
И тебя в этот миг, в это прикосновение
Длинным взглядом-вопросом, таившимся в нас,
Нас обоих. И праздничность, и удивление,
И пронзившую мысль: ни дыханьем, ни тенью
Из «потом» не вернуться вот в это «сейчас»...

«Под красный свет, под красный свет...»

Под красный свет, под красный свет,
Людей, внезапно смолкших, – мимо,
Ругнув зевак, дохнув бензином,
Промчался РАФ под красный свет,
Как пес, несчастья взявший след.

Туда, где мысль остановилась
В полумгновенье от окна.
А сердце билось, сердце билось
Так, что взметнулась тишина
Между кроватью и окном...
И жизнь тревожным билась сном,
Дрожа на нити вполнакала...
Не сразу нить оборвалась,
Но, вздрогнув, больше не зажглась
Безмолвно. Было и не стало.
Как просто – было и не стало...
Так страшно – было и не стало,
Что даже смерть отозвалась
И, не стыдясь себя нимало,
Устами тишины кричала.
Должно, гостей на пир сзывала.
На скорбный пир своих страстей
К уже не ждавшему гостей...
И мчался РАФ под красный свет,
Беды привычно взявший след.

**«Ты здесь? Не торопись.
Откуда и куда...»**

Ты здесь? Не торопись. Откуда и куда
Несешь в себе опять свои заботы?

Бесплотный образ твой. Ни звука, ни следа,
Ни тени, ни огня... Хотя я знаю – кто ты...
Знакомый дождь в безмолвной тишине,
Когда, казалось, мир на время замер
Без соглядатаев, без света и без камер,
Как перед исповедью... Я – тебе, ты – мне...
О чем мы?.. Не согласишься. О воде...
И в самом деле – дождь. О чем же боле?
Прохладных струй прикосновенья где,
Там нет ни сожаления, ни боли...
И нелюбовь коснулась не лица,
Но сердца, будто полного обиды.
И монолог дождя без паузы и конца
Незримо уведет в безмолвье Атлантиды.
В животворящий мир воды и водных струй...
Коль выучил урок, не заплывай за буй —
Спасительный рубеж и сердца и ума
И неизменный пункт, источник непокоя.
Настойчивая мысль, что это жизнь сама
Определила путь себя увидеть – кто я...
И будут в тишине ступать года,
И трепетнет душа, хоть всякий раз напрасно,
Пока ее Высокая Вода
Не позовет за буй неистово и властно...

«Как радостна и как тиха она...»

Как радостна и как тиха она,
Упрямая надежда, что таится
В прозрачности живой – ни стен, ни дна.
Лишь легкое тепло из глубины струится.
И вот уже раскрепощенный дух
Украдкой вдыхает полной грудью,
Хотя пасьянс судьбы – одно из двух —
Пока еще не сложен. Многолюдье
Терзает неизвестность, ранит страх
Простых вещей подчас непониманья,
Опасных игрищ предзнаменованье
И миропониманья полный крах —
Разрозненный аккорд военной меди,
И диссонанс гармонии с судьбой,
И потускневший памятник Победе
Неандертальца над самим собой...
И реки вспять. И фуэте верблюда,
И хохот гор, молчанью вопреки,
И нерукопожатие, откуда,
Как ни старайся, не пожать руки...
Взгляд в никуда, безмолвный и бездумный,
Отставленный от мира и идей.
И снова, снова! Человек разумный
Совсем один. Один среди людей...
И снова допотопная туманность,
Где будто не ступала и нога,
И вирусно-немая первозданность
Творящего надежду очага...
Как радостно между ветрами, между

Дождями – очагу в них не гореть —
Почувствовать тепло живой надежды
И жизнь уже озябшую согреть...

Фрагменты из романа в стихах «Влажный ветер Леванте...»

*(Это о Греции времен афинской демократии и поглощения
Эллады македонскими варварами.)*

Велик Дионисий, рожденный великим народом,
Кто дружным восторгом дарует любого, коль нет ни
гроша...
В угоду себе и рабам, и свободным в угоду
Спешит сообщить всем, что жизнь хороша.
Комедия в театре отводит людей от порока.
Трагедия – вовсе хороших свершений пример.
В Афины весна собралась две недели до срока,
Но греческий люд не смутить недостатком манер.
Правдив и доверчив он, без сожаленья
Готов для обряда отдать свою сотню быков.
И также, с улыбкою и без сомненья,
С любым разделить и одежду, и кров.
Сегодня весь люд под охраной его, Диониса.
Нельзя арестовывать, требовать в праздник долги.
Народным собраниям – запрет. Никаких компромиссов.
Судебные иски отставить! Никто – ни друзья, ни враги.

Равны и велики в веселье и люди, и боги.
Они, все двенадцать, среди песен и танцев вокруг.
Им всем в одну сторону. Всем – по дороге,
Туда, где братается праздничный дух,
Где нет и вершка между «ними» и «нами»,
Из тех, кто вознесся... Кого ни возьми.
Где люди нечаянно стали богами.
А боги нечаянно стали людьми...

Ликуют тимпаны, волнуются звуки свирелей,
И флейты восторженно славу поют.
Врываются в хор песнопевцев восторги и трели.
И в праздника чашу вино неразбавленным льют.
Плывет Дионис над весельем, большой и священный.
Статую несет вся агора – хореги, жрецы,
И даром что в дереве он воплощенный.
Поют ему гимны и воины, и мудрецы.
Корзины с плодами – над статью хорошеньких женщин.
Венки из плюща и фиалок у юношей и у мужчин.
И каждый, кто здесь, его славой увенчан —
Разбойник и праведник. И государственный чин.
Сирены, сатиры пешком, на ослах и на мулах
Кружатся в причудливых танцах стихии своей...
Комический образ насмешки... В пирах и разгулах
Рожденный всевластием глупых и жадных людей.
Наивный напев и дурашливый лик скомороха.
Под маской – зловредный и яркий народный протест.
Но праздник! И кажется, все не больше гороха,
Шрапнелью стреляющего в обозначенный крест.

Пронесятся толпы поэтов, хоревтов, актеров.
Священный огонь и восторги вокруг алтаря.
И сотня быков ревом глушит пространство, в котором
Ждут праздника люди, улыбки друг другу даря...
А рядом поет хор сатиров козлиный —
Козлиные маски как облик природы самой —
То песни про солнечный луч, чтобы жаркий и винный,
Тогда виноград будет тоже такой,
То песня про грусть, про дыхание смерти
Затем, Дионис чтоб услышал мольбу,
Ему принесенную в песне-конверте...
Назначено только ему одному...
И, как в подтвержденье того заклинанья,
Трагический мим поднял руки мольбы
И долго стоял, как само изваянье
Изменчивой и неизбывной судьбы.
И хор – уже снова про год без изьяна.
Грохочут тимпаны. И флейты поют.
И в желтый киаф козлоногого Пана
Сатиры вино неразбавленным льют...

«Все станет на свои места...»

Все станет на свои места,
Лишь здоровой мысли перст железный
Сомкнет смешно и бесполезно
Тебя зовущие уста.

Все станет на свои места.
И будет тем, чем было прежде, —
Рояль бесстрастен и тосклив,
Будильник слишком суетлив,
И старый дог в большой надежде,
Что станет мир не так болтлив...
Забьется в угол пустота,
Боясь шипов воспоминаний.
И вздрогнет, как напоминанье,
Звонка глухая немота.
И мысль трудна, хоть и проста —
Все станет на свои места...

«Как ярок свет. Слепит как никогда...»

Как ярок свет. Слепит как никогда.
Идет паром среди тысяч солнц. И дали
Безоблачны. И прошлое едва ли
Догонит, распростившись навсегда.
Идет паром вперед. Идет – туда.
Мне не туда, мне по пути – обратно.
И солнце, отраженное стократно,
Единственным вдруг станет. И вода
Его отпустит в полумрак каминный,
Туда, где Бинц и вечные ветра.
И сенбернар – свидетель ночи длинной,
Распахнутой в «сегодня» из «вчера».

И необъятность дня, и тайна ночи,
И разноцветье крыш, и чувств река.
И тихий шепот потаенных строчек:
Остаться до последнего звонка...
Прибоя натиск, рокот непокоя,
Дневные неприкаянные сны,
И что-то неизбывное, земное
Придет, тебя увидев, со спины.
И смолкнет тишина на полуслове.
И я свое вязанье отложу.
И трепетнет мгновенье – лещ в прилове.
И ты: «Не уходи». – «Не ухожу».

«Ущербная луна. И над Босфором сизым...»

Ущербная луна. И над Босфором сизым
Предутренней порой струится сизый свет.
И тайный челн, влекомый легким бризом,
Скользнул в волну, минуя минарет.
Крест-накрест – храм. Три слова – верным людям.
«Даст Бог, вернемся?» – тишина в ответ.
«А налетят?» – «Ступайте. Мы остудим...
Даст Бог, вернетесь», – шелестнуло вслед.
Челн исчезал, и появлялся снова,
И, увернувшись, обходил волну.

Писания спасительное слово
Вело их через море. И одну,
Всего одну молитву говорили.
Она была негромка и проста.
Не о себе. Не для себя просили.
Просили об одном – спасти Христа...
Константинополь не глядел укором.
Не ведал тайны до поры Коран —
С Московского Вселенского собора
Вернулись братья вестью от христиан.
И высились повсюду минареты,
Святой Софии застилая свет.
Но свет иной нарушил эти меты —
Великий древних пращуров завет:
Стоянье в темноте долготерпенья,
Хранящие безмолвие уста.
И тихая забота о моленье,
Спасавшем в каждом своего Христа.

Татьяна Панкова

Родилась 15 июля 1974 года в городе Минеральные воды.

В настоящее время проживает и работает в городе Санкт-Петербурге.

В 2002 году окончила экономический факультет СПбГУ.

По специальности устроиться на работу не получилось.

Сейчас работает кассиром в магазине.

Воспитывает десятилетнего сына. Не замужем.

Хобби: музыка, спорт (бег, спортивная ходьба).

Увлекается поэзией с детства. Написала около 200 стихов различной тематики.

Также имеется немало стихов в процессе работы.

Не привыкать нам побеждать...

Не привыкать нам побеждать:

Мы – русские, сильны мы духом!

Коль надо, будем воевать,

Все стерпим: голод и разруху!

Наш мир сегодняшний бесценен:

Столь крови за него лилось

Прошедших русских поколений,

Спокойно чтобы нам жилось...

Вот и сейчас мы твердо знаем,

Ради чего мы стерпим все:

Богатыри ведь подрастают,

Дух русский в них возьмет свое!

И русских девочек-красавиц
Прекрасней нет на всей земле!
Пускай уверенно шагают
К своей победе и мечте.

Сколь вырастет среди них ученых,
Что двинут мир на новый путь,
Художников, поэтов новых,
Чтоб красоту в людей вдохнуть.

Всего, что в них, не перечислишь!
В ответе мы за них сейчас,
За русских девочек, мальчишек,
Гордились чтоб они за нас.

За стариков могучих наших
Горой мы встанем и стеной.
И помним мы геройски павших,
В беде закрывших Русь собой.

Сплотимся мы великой силой
Перед лицом любых невзгод.
Должны мы помнить все, что было,
Преодолея что наш народ!

Не утопить наш дух великий
В вине, наркотиках, грехах!
Победа русскими добыта

Для нас с слезами на глазах...

Земля полита под ногами
Священной кровью с верой в то,
Что будем дальше жить мы с вами!
Россию не возьмет никто!

Не привыкать нам побеждать:
Мы русские – сильны мы духом!
Ведь Русь достойна процветать:
Так завещали деды внукам!

Геннадий Рязанцев-Седогин

Член Союза писателей России, член ИСП, член-корреспондент Академии Российской словесности.

Автор тринадцати книг поэзии, прозы и эссе.

Лауреат литературных премий имени Александра Невского, Ивана Бунина, Ярослава Смелякова, Алексея Липецкого и других.

Живет и работает в Липецке.

Непросветленная душа

Я знаю, дьявольская бездна
Незримой силою полна.
И кажется, что бесполезно,
В ней жизнь кипит не зная сна.

Своими страхами и мглами
Душа находит сходство с ней,
И нет преграды между нами
В глухую ночь, в стране теней.

Не наблюдай ночную вьюгу
Во мраке скованных снегов.
Я знаю, мы близки друг другу
Смертельной близостью врагов.

Последний солдат

Флагами город украшен
В память победной войны.
Где же свидетели нашей
Вставшей из пепла страны?

Голос страны оскверненной,
Загнанной нелюдью в ад.
Шел мостовой запыленной
Старый последний солдат.

Выйду на праздник Парада
С пестрой и праздной толпой.
Мертвых тревожить не надо,
Распятых страшной судьбой.

Ветром полощутся флаги.
Площадь ограждена.
Сколько же нужно отваги
Пить эту чашу до дна!

Памяти брата Юрия Николаевича

Я выходил в глухую ночь

В родную снежную безбрежность,
И как мне было превозмочь
Снегов холодных безмятежность?

Острее зрение и слух
Под звуки заунывной вьюги.
Прощай, мой брат, прощай, мой друг.
Есть у России две подруги,

Они навек укроют твердь —
Зима да лютые метели.
Твою безвременную смерть
С кровавой раной на теле

Не позабыть родной Руси!
Она нам стала еще ближе.
Ты там у Бога попроси
За всех, кто в странствиях обижен.

Нас всех роднят напевы вьюг
Да песни Родины унылой.
Прощай, мой брат, прощай, мой друг,
Согретый холодом могилы.

Путем зерна

Пахали в ночь. Погожие деньки.

Успеть, успеть посеять в землю зерна.
Седые небеса пространны, глубоки,
Земля вздохнувшая покорна.

Кормилица и ласковая мать,
Тебе не занимать терпения и воли,
Ты не устала со смиреньем принимать
Людей, не помня ни обид, ни боли.

Падет зерно в твою густую плоть,
Его остудит дождь, ночные ветры.
Путем зерна, считая километры,
Пойду и я. Благослови, Господь.

Старуха

Жизнь у старухи тяжела:
Забыта и людьми, и Богом.
Клонится старая ветла,
Распались камни под порогом,
И набок съехало крыльцо.
Согнулась, сторбилась старуха,
В морщинах серое лицо,
Давно глуха на оба уха.

Сидит и смотрит на поля,
Где рожь волнами колосится,

Ей чудится – поет земля,
Как в бездне неземная птица.
Ей видится цветущий сад,
Согретый солнцем на закате,
И неба гаснущего взгляд,
И сумрак в одинокой хате.

Поэт

Ну что же ты, поэт, среди людского шума
Молчишь иль убегаешь прочь?
Занозой залегла в душе угрюмой дума,
И мучит, и томит тебя всю ночь?

Где ж рифм твоих простое постоянство,
Людскому шуму благостный ответ?
Где суете мирской души твоей пространство?
Иль растерял ты Богом данный свет?

Молчишь, закрывшись в доме темном,
И думаешь, что все уходит прочь,
Что в этом мире, в сущности, бездомным
Ты прожил жизнь и больше жить невмочь.

Один, один в чужом закрытом доме,
И друга нет, никто не стукнет в дверь.
Стоишь в слезах в распахнутом проеме,

Как в клетке одинокий зверь.

Торжество зла

Не поминаю Бога всеу,
Закон не позволяет мне.
Повсюду дьявол торжествует,
Разгуливая по стране.

Зловещие мелькают лица,
Животный исторгают стон.
Страна как древняя блудница,
Весь мир – безумный Вавилон!

Толпятся в праздности народы,
Снуют в бесстыдной нагоде.
И затаились в пустоте
Всепоглощающие воды.

Печаль земли

Иду дорогой от деревни,
По обе стороны – поля,
И никого на тракте древнем,
Как будто вымерла земля.

Взываю к небесам дремотным,
Печальным, грустным небесам,
Внимаю звукам мимолетным
И приглушенным голосам.

И сердце закипает грустью
От невеселых наших мест.
Мое родное захоlustье,
Здесь счастье грезилось окрест.

Бывало, тянется подвода,
Пылит дорога, ось скрипит.
День жаркий или непогода —
Работа на полях кипит.

И слышны песни баб веселых,
Мелькают белые платки.
По вечерам в соседних селах
В гармонь играют мужики.

Иду по тракту грусти полный,
Как встарь, волнуются поля.
И эти солнечные волны,
Печаль моей души, земля.

Элегия

Я построил свой дом над оврагом,
Дальше – ветряные поля.
Мне мое одиночество – благо,
Здесь мне ближе родная земля.

Здесь сверкуча река и текуча,
Здесь в заказнике много зверья,
Здесь брюхатая движется туча,
Здесь чиста ледяная заря.

Здесь народ работающий и строгий
И в общенье легки мужики.
И, как встарь, здесь изрыты дороги,
И все те ж на селе дураки.

«Не приемлю холодные храмы...»

Не приемлю холодные храмы.
Мрамор звонкий, колонны, скамьи.
И картины библейские в рамах
В Нотр-Дам-де-Пари.

Там орган оглушительно громок,

Себастьян истекает в крови.
Не поймет одичавший потомок
Тайну кроткой Господней любви.

Я люблю потемневшие лики
Древних досок, дубовых колод,
Не помпезные базилики,
А родных алтарей низкий свод.

Павел Савилов

1963 года рождения. Выпускник Воронежского государственного медицинского института им. Н. Н. Бурденко (1986 год). Сельский врач. Работает в одной из районных больниц Тамбовской области. Член Российского союза писателей. Лауреат литературных премий им. М. А. Булгакова (поэзия), В. В. Набокова (поэзия), М. Ю. Лермонтова (поэзия). Лауреат литературного журнала «Сура» (Пенза) в номинации «Поэзия» за 2018 год. «Лучший писатель года 2015–2019» по версии Интернационального Союза писателей.

Звезда Рождества

*Она пламенела, как стог, в стороне
От неба и Бога, как отблеск поджога,
Как хутор в огне и пожар на гумне.*

Б. Л. Пастернак

Молчит пустыня, обнимаясь с ночью,
Холодный ветер кружится, шутя.
Вертеп в скале. У девы непорочной
Явилось в нем к полуночи дитя.

А над пустыней, в серый плащ одетой,
Не помнящей уже свои года,
Вдруг замерцала необычным светом
На звездном небе новая звезда.

Свет от нее был виден во всем мире.
Признав его, почтенные волхвы
Пошли туда, куда лучи светили,
Неся с собой богатые дары.

Разбужены с небес идущим светом,
Стряхнув песок с разостланной дохи,
Пошли к пещере друг за другом следом,
Свои стада оставив, пастухи.
Невидимые, двигались за ними
Небесные посланники босые...

А вот и пещера, отверстие скалы,
Туда уже входят седые волхвы.
Их дева Мария с поклоном встречает,
У входа другим подождать предлагает:
– Потом вознесете свои нам хвалы.
Проснется младенец – вручите дары.

Завернутый тканью и спящий в яслях,
Ребенок не слышал движений входящих,
Не видел он лиц звездочетов, стоящих
В молчанье пред ним с удивленьем в глазах.

Боролся светильник один с темнотою,
Последние силы собравши едва.
Вдруг свет необычный прорвался в покои —
То в гости явилась звезда Рождества.

Разбуженный ею, ребенок проснулся,
Волхвы с интересом склонились над ним.
Завернутый в ткань, он им чуть улыбнулся,
Вниманьем Марии надежно храним.

Вдруг, ручку избавив от тканного плена,
Ладонью вверх он ее приподнял.
О, если бы знали волхвы! Со вселенной
Младенец с рожденья себя обвенчал.

Элегия

*Перед тобой таков отныне свет,
Но в нем тебе грядущей жатвы нет!*

Е. А. Баратынский

В глухую пору листопада
Снимает лес последний свой наряд.
Лишь сосны с елями одетые стоят,
Что воины, готовые к параду,
А на лугах седеющие травы
Глядят, как обнажаются дубравы.

Последняя неделя октября.
Сады курятся сизыми дымами,

Гусей последних пролетели стаи.
Их скоро встретят теплые края,
А, в городе оставшись, воробьи
Твердят прохожим правила свои.

Я это время осени люблю.
Шум городской на тишину меняя,
Иду в поля, где, землю подметая,
Поет мне ветер про судьбу свою,
О том, как он под небом голубым
Гуляет, одиночеством томим.

Вот мы подходим к берегу реки,
Со вздохом он прощается со мною
И легкою походкой над водою
Уходит вдаль. Лишь солнца огоньки
С волной речною лихо пляшут,
А камыши им головами машут.

Мост деревянный под ногой скрипит,
Река холодным взглядом провожает,
Смотря внимательно, как лес меня встречает.
Увядший лист мне пропуском летит.
Ловлю его. И чувствую, как ноги
Ведут меня в волшебные чертоги.

Я среди них. Прикрытая листвою,
К моим ногам тропа лесная жметяся.
Дробь дятла из-за чащи раздается

И замолкает, слившись с тишиной.
Так, сон осенний нарушать не смея,
Хранит покой сестрица Берендея.

В траве увядшей гаснет звук шагов.
Стоят рядами голые осины.
А на ветвях случайной здесь рябины
Краснеют ягоды, как угли от костров.
Последние листья бросают клены:
Багряный, желтый, иногда зеленый.

Под аркой из орешника ветвей
Я на лесную выхожу поляну,
Где дуб стоит подобно великану.
С кудрявой шевелюрою своей
Вокруг поляны поросль младая
Стоит уныло, на него взирая.

Приятель старый, видеть рад тебя,
Позволь к стволу щекою прислониться,
Закрывать глаза и в сказке очутиться,
Что в детстве мать читала для меня,
Где кот ученый с цепью золотой
Пел песни для русалки молодой.

Какие это были времена!
Теперь, к несчастью, времена другие —
Настали годы для Руси лихие.
Увы, мой друг, не та уже страна.

А умный, добрый наш народ
Покорно в рабстве банковском живет.

Безжалостно изводятся леса,
Поля сжигают тонны гербицидов,
А яд попавших в землю пестицидов
Людские накопили волоса.
И, словно на помойке сорняки,
В начальство пролезают дураки.

Посредственность здесь выбрана царем,
Порядочность – мишенью для насмешек.
Предательство, как в шахматах из пешек,
Ничтожество здесь делает ферзем.
Текут «мозги» рекою за границу,
Жирует лишь российская столица.

И только здесь, в обители лесной,
Покой душевный снова обретаю,
Когда ее раз в месяц посещаю
Весною, летом, осенью, зимой.
И к Богу в мыслях обращаюсь я,
Чтоб от людей тот охранял тебя.

Поджигатели, или Расстрел в Кремле (на одноименную картину В. Верещагина)

*Наследье их из рода в роды —
Ярмо с гремушками да бичь.*

А. С. Пушкин

Висят дымы над русскою землею,
Их раздвигает солнце головой,
Смотря, как расправляется с Москвою
Пожар своею огненной рукой.

Горят дворцы, мещанские лачуги,
Взрываются военные склады,
И мечутся по улицам в испуге
Чужие исполнители войны.

Московский Кремль, глядя на это горе,
Безмолвное величие хранит,
Сжимая ружья, на его подворье
Строй гренадеров Франции стоит.

А перед ними место занимая,
Не чувствуя прохладу от реки,

Своею кровью землю окропляя,
Лежат в различных позах мужики.

Беседуя поодаль, офицеры
Бросают взгляды на проем ворот,
А там конвой, ступая шагом мерным,
Еще несчастных на расстрел ведет.

Они идут, в руках сжимая шапки,
Крестясь на золотые купола.
Из-под рубах, изодранных на тряпки,
Побитые виднеются тела.

О Русь моя, церквами ты покрылась,
Да только снова множатся грехи:
Опять, богатым сотворяя милость,
На смерть идут покорно бедняки!

Где те, которые приказ отдали страшный
Дома сжигать в оставленной Москве?
В своих именьях восседают важно,
Спокойно рассуждая о войне.

Что им народ? Овец покорных стадо!
Их можно резать, продавать иль стричь,
А кто не сделает, как им, дворянам, надо, —
Петля на шею, кандалы да бич.

Четвертый месяц бедствием объята,

Россия изнывает от войны,
Где, защищая собственность богатых,
Идут на смерть их русские рабы...

Уж двести лет с поры той миновало,
Но тихо стонет русская земля.
Теперь под гнетом мирового капитала —
Хозяина продажного Кремля.

Ноябрь Элегия

*Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной...*

А. С. Пушкин

Забрезжил чуть рассвет. На сонные поляны,
Где желтую траву припудрила роса,
Поднявшись от воды, пошли гулять туманы,
Прибрежные кусты – их скрыла полоса.

Круг меряет Земля в своем движенье вечном,
И вот уже восток надел платок зари.
Стремится вдаль река полоской бесконечной,

Бледнеют лики звезд в космической дали.

Светлеет небосвод, внимая лику солнца,
Что медленно встает над спящею землей.
Мерцают в камышах лесных озер оконца,
Да облаков толпа проходит стороной.

В дубравах тишина. Не слышно птичьих трелей —
Пернатые давно отправились на юг.
И только строгий взгляд седых столетних елей
Смущает наготу безлиственных подруг.

Ноябрь царит вовсю. Декабрь еще далече.
Октябрь ушел давно с дымами от костров.
Застыли у реки осины, словно свечи,
Средь пестрого ковра упавших с них листов.

Как море, синева бушует над землею,
Но солнечных лучей не радуется тепло.
Прильнула к берегам река своей волною,
Глядя, как ивы к ней склонились тяжело.

В округе ни души, пустынно, безглагольно,
Не слышен шум толпы и дикий рев машин.
Как дышится легко среди этого приволья,
Где ты в одном лице и раб, и господин.

Здесь мысли в голове приводятся в порядок.
Мятежная душа находит здесь покой,

Когда среди берез, стоящих стройным рядом,
Проходишь не спеша, шурша сухой листвою.

Вечер на Неве

*Люблю тебя, Петра творенье.
Люблю твой строгий, стройный вид.
Невы державное течение,
Береговой ее гранит.*

А. С. Пушкин

Уходит дивное светило,
День забирая за собой.
Лицо Невы позолотило
Своей волшебною рукой,
А золотистою каймою
Чуть приукрасив облака,
Глядит, как катится волною,
Мечтая стать рабой морскою,
В своем течении река.

Вдали воздушный шар летает,
И в полудреме Летний сад,
Шпиль Петропавловки сверкает,
Смотря, как плавится закат.
Мох одевая, бастионы,

Смирившись с участью своей,
Стоят, как римские колонны,
Храня наследье залов тронных —
Останки русский цесарей.

И, крепостной собор венчая,
Под небом бархатно-седым
Державный крест рукой сжимает
Золотокрылый херувим,
Послушный ветра дуновенью.
Он, словно сеятель добра,
Достался городу с рожденья,
Чтобы под чаек песнопенье
Следить за детищем Петра.

Но ход времен неумолимый,
Не повернуть его назад.
Исчезло дивное светило,
Ночь накрывает Петроград.
Гранитный берег покидая,
Иду, не видя за собой,
Как, крест рукою обнимая,
Другой меня благословляет
Парящий ангел над Невой.

Осень

Элегия

Мужичку Седому
(*Володе*)

Пасмурный день. Подморожены утром,
Павшие листья желтеют в траве,
Но, оказавшись в холодной воде,
С небом прощаясь, сверкнут перламутром
И, накрываясь речною волной,
Тихо уходят на вечный покой.

Словно у девицы тонкие брови,
Берег каймой обнесли камыши.
Летом так были они хороши:
Строем зеленым, как рыцари в брони,
Гордо стояли, подружку храня!
Да заржавела уже их броня.

Грустно взирая в заречные дали,
Ряд обнаженных осинок стоит.
Снизу на них гладь речная глядит
Да камыши, что согнулись в печали.
Только вороны на ветках сидят,
Крыльями машут, картаво галдят.

Там вдалеке, за притихшей рекою,
Берег пологий ползет в темный лес.
Поезд вдали промелькнул и исчез,
Дымный оставивши след за собою.
Здесь, шелестя золоченой листвою,
Ель обнимает клен молодой.

Как я люблю в это царство покоя
Утром осенним входить не спеша!
Там к равновесью приходит душа,
Вход в мир иной чуть открыв предо мною,
Где нет безумства ненужных страстей,
Где не такой ты, какой среди людей.

Ты и природа. Все честно, открыто.
Зависти черной не видно тени.
Тучи на небе – безвредны они,
Ядом измены они не налиты,
А коль решат пообщаться с тобой,
С мокрой останешься лишь головой.

Тихо листва под ногами бормочет,
Шепчут, качаясь, мне вслед камыши.
Мысли хорошие в этой глуши
Мне в голове время выстроить хочет,
И, словно стаю крикливых ворон,
Черные мысли они гонят вон.

Матовым цветом блестит гладь речная,
Тычется в берег лениво волна,
Словно слепая старушка одна
Ощупью стол как стоит проверяет.
Здесь, в безглагольном миру бытия,
Частью природы делаюсь я.

Река

По синему небу, ветрами гонимы,
Степенно проходят веков пилигримы.
На них смотрит снизу река.
Водюю холодной привычно мерцает,
Волною волну, разойдясь, накрывает,
Плескаясь в корнях ивняка.

Как узник мечтает покинуть темницу,
Река стать свободной извечно стремится.
Ее стерегут берега.
Но только весенние, вешние воды
Дадут ей глоток долгожданной свободы —
Она подается в бега.

И вот уже мчится стальной стеною,
Сметая, что видит она пред собою,
И в пенном потоке несет.
Но только прорвется в объятая равнины

Река безудержно ревущей стремниной,
Она замедляет свой ход.

Луга заливные собой обнимая,
Овраги водой до краев наполняя,
Беглянка спешит отдохнуть,
Надеясь на то, что, поспавши немножко,
Озер оставляя на память окошки,
Отправится далее в путь.

Но в этом ее роковая ошибка.
Вот солнца на небе сверкнула улыбка —
Тепло потянулось к земле,
Которая время сама не теряет
И силу реки по чуть-чуть забирает
В глубокие недра к себе.

Когда же река наконец-то проснулась,
Кругом оглянувшись, она ужаснулась,
Увидев своих сторожей.
Не может понять, как такое случилось,
Она в берегах, как в тюрьме, очутилась.
Природа смеется над ней.

И снова, на небо с тоскою взирая,
Где ветер шалит, облака разгоняя,
Река тихо плещет волной.
Обрывистый берег она подмывает,
Песок на пологий она намывает,

На время смирившись с судьбой.

Раздумья ночью у окна

Правит свой бал нынче зимняя вьюга,
Вальсом проходит по спящим лесам,
Пляшет мазурку с метелью-подругой
По занесенным снегами полям,
Полькой резвится по зимней дороге,
Вместе с кустами выводит фокстрот
И, как медведь, что разбужен в берлоге,
В трубах печных свою песню поет.
В доме тепло. Раскаленная печка
На пол бросает взгляды огня.
Стол у окна. На столе стоит свечка,
Ровно горит и глядит на меня.
Что ты глядишь, мой сосед, молчаливо,
Редко мигая, пускаешь дымок?
Слышишь, как тихо поет, сиротливо
Где-то в углу, пробудившись, сверчок?
Место тебе у окошка досталось
Мир озарять желтоватым лицом.
Может, помочь тебе самую малость,
Взять потушить, чтобы больше осталось
Воска пчелиного в теле твоём?
Или оставить мне эту затею,
Дать догореть тебе, друг, до конца,

Чтобы ценою ты жизни своею,
Сумрак ночной у окошка развеяв,
Скуку и грусть отогнал от лица.
Вот он вопрос философии вечный:
Быть или не быть, обезглавить – простить.
В войнах страстей и борьбе бесконечной
Люди пытались веками решить.
Сколько трактатов написано ими,
Сломанных судеб, великих имен!
Только на деле решает все ныне
Страж человека – естественный сон.
Вот, подчиняясь его повелению,
Тянется медленно к другу рука.
Раз – и не стало с ее изволения
Желтой головки свечи огонька...
Трудно порой философские мысли
В рамки загнать, подчиняя закону:
Нет головы – есть продление жизни
Лишь потому, что сон нужен другому.

Птичка

Kame

Из раскрытой клетки
Выпорхнула птичка
И сидит на ветке,

Пташка-невеличка.
Головою крутит,
Делать что не знает,
Ножками на ветке
Все перебирает.
Может, ей вернуться
В домик, за решетку,
Пусть свободы мало,
Да еды в охотку.
Некого бояться —
Пой да пей водицу.
Кошке не добраться,
Лишь во сне ей снится.
Или, может, все же
Полететь на волю?
Жизнь одна дается —
Так прими раздолье.
Пусть сама за кормом
Будешь отпрапляться,
От ворон да кошек
Прятаться, спасаться.
Но зато с другими
Птичками на воле
Будешь заливаться
В многогласном хоре.
А когда осенний
Лист на землю ляжет,
Путь на юг далекий
Предков зов подскажет.

Что же делать птичке?
Трудно ей решиться.
На поля податься?
В клетку возвратиться?
Долго размышляла
Птичка у окошка.
Тут ее поймала,
Ну и съела кошка.

Так и мы порою,
Выбрать что не зная,
Ищем лучшей доли,
Счастье лишь теряя.

В лесу осенью

*И Осень тихою вдовой
Вступает в пестрый терем свой.*

И. А. Бунин

Застеленный ковром малахитовым
Мягкотело-пушистого мха,
Лес встречает, как мальчик воспитанный,
Появление осеннего дня.

Багровеет от радости папортник,

Видя взгляды нарядных осин,
Так слугою назначенный лапотник
Вдруг представил, что он господин.

Золотисто-багряно-лиловые,
Молодые деревья стоят
И на поросль, что рядом, зеленую
Свысока, улыбаясь, глядят.

Три сестры, три мохнатые ели
Устремились в объятья небес,
И как птицы они бы взлетели,
Да за корни держит их лес.

Их подружки, поодаль стоящие,
Уже с этим смирились давно
И, как зрители, фильмы смотрящие,
Созерцают на небе кино.

Но пока там картина обычная:
Из седых облаков пелена,
Что для осени дело привычное,
А точнее, конца сентября.

В одиночестве гордом береза
Золотой примеряет наряд.
Ее листья, по прошлому слезы,
На свиданье с землею летят.

Дню осеннему искренне радуясь,
Упивается лес тишиной.
На березу нарядную жалясь,
Говорят ели грустно со мной.

Среди волн

*Суровым отблеском ножа
Сверкнешь ли, пеной обдавая?
Нет! Ты не символ мятежа,
Ты – Смерти чаша пировая.*

В. В. Гофман, 1904 г.

Шторм угасает. Черное море
Волны о скалы дробит.
Ветер резвится в бескрайнем просторе
И, завывая, свистит.

Тучи нависли над самой водою,
А в это время вдали
Чистое небо блестит полосою.
(Как его ждут корабли!)

Но, не желая покою сдаваться,
Дыбится в море волна,
С нею другие встречаться боятся —

Их не жалеет она.

Пену с подружек гребнем сбивая,
Мчится волна на скалу.
Цвет бирюзовый на синий меняя,
Рвется она в вышину.

Вот и скала, созиданье гранита,
Смотрит волна на нее.
Верится ей, что не будет убита.
Жизнь так прекрасна ее!

Рокот. Удар. Туча брызгов соленых
Радостно в небо взвилась,
А по скале в погребальных колоннах
К морю вода подалась.

Так и не стала бегунья отважной.
Ей подражателей нет!
Море уже перестало быть страшным,
Темный меняет свой цвет.

Ветер лениво гуляет в округе,
Медленно волны идут
И о своей своенравной подруге
Тихую песню поют.

Наполеон на острове Святой Елены

*Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.*

М. Ю. Лермонтов

В рассветный час, когда в лучах зари
На небе темном тучи поредели
И волны океана посветлели,
При этом силы сохранив свои,
На берег мчась, как конница, лавиной,
Там, на скале с обрывистой вершиной,
У края пропасти явился человек.

Сложив на грудь, как к погребенью, руки,
Подставив ветру хмурое лицо,
Он встал в молчанье. Океана звуки
Неслись наверх, не трогая его.
А взгляд, с надеждой устремленный вдаль,
Гнал из души по Франции печаль,
Которую забыть никак не мог.

И память мысленно несла его туда,
Где виноградники вползали в города,

Полоски рек светились средь полей,
Где жил народ, забывший лязг цепей,
Народ, который ему преданно служил,
Кого на битвы за собой водил
Для славы Франции и славы для себя.

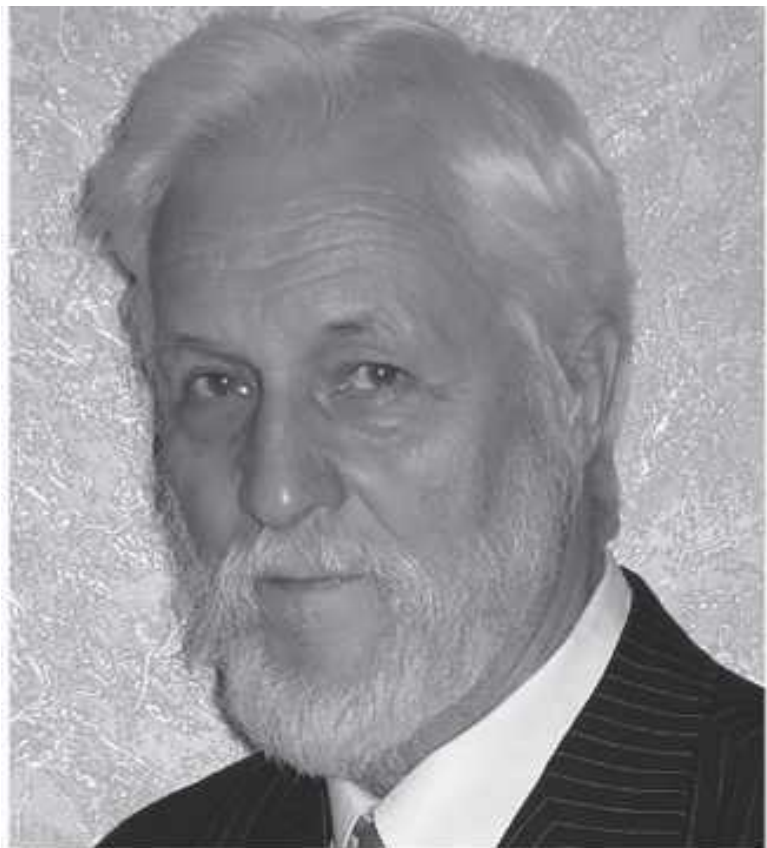
Как океана грозные валы,
Что к берегу стеною надвигались,
Его солдаты пред врагом являлись
И, обратив к нему всеобщий взор,
Под крики громкие «Vive l'empereur!»
Навстречу смерти дружно устремлялись,
Даря ему победы славный миг.

Но где теперь твои сыны, мессия,
Кем восхищался, посылая в бой?
В полях заснеженной непонятой России
Они остались, брошены тобой.
А ты, привыкнув к озаренью славой,
Решил продолжить с воинской забавой.
Но Ватерлоо прокричало: нет!

И вот теперь среди морской пустыни
Почетный пленник ты своих врагов.
Твои друзья... А были ли такие
Средь тех, кто жаждал власти и чинов?
Стал император – сразу полюбили,
А как низложен – то уже забыли.
У нас не любят падших цесарей!

Для всех у жизни есть свои уроки,
Меняется со временем народ,
У памяти людской бывают сроки,
Как и беспамятство, что у людей живет.
Но к чести Франции, любимой так тобой,
Ты, полководец, для нее герой.
Но не в России, где ты воевал...

Борис Страхов

Родился в 1937 году в Москве. Музыкант, учитель музы-

кальной школы. Творческий багаж: отрифмовал популярные сказки Николая Носова, Льюиса Кэрролла, Александра Волкова, на их основе написаны стихотворные сценарии. Создал стихотворные варианты двух повестей А. С. Пушкина: «Египетские ночи» и «Пиковая дама», стихи философской направленности, тематические письма.

Две поэмы: «Раздумья», «Сентенции». И труд всей творческой жизни – «Философский ликбез (критика философской мысли)».

Неправильный народ

Неправильный народ,
Неправильный правитель.
Неправильно живет,
Неправильный воитель.

И дышит он неверно,
И смотрит он не так,
И говорит он скверно,
Не слышит нас никак.

Дебильные традиции
Он охраняет рьяно,
Но меньшинства амбиции
Не признает упрямо.

И гомосексуальные
Не приняты права.
Истории на свалке
Ему лежать пора!

Такую ахинею
Мне иносми твердят.
Я к ним вопрос имею:
Причина в чем, «друзья»?

**Неправильный народ
неправильно живет!**

Опять уперлись в déjà vu:
«Живет неправильно народ
И не по правилам воюет», —
Рефрен нам Запад все поет.

Европы главная беда —
Не может уяснить никак:
Не так ведем войну всегда?
Об этом помнит Бонапарт!

Хотел на север сдвинуть Русь!
Но получил пинок под зад:
Бежал «смоленочкой», как трус,
В Париже – казаков парад!

Ефрейтор, Адик Шикльгрубер,

Союз попробовал на зуб —
С башкой простреленной он умер,
В канаве догорает труп.

Разгромлен беспощадный враг,
Фашизму наступил конец,
И над рейхстагом красный стяг —
Триумфа русского венец!

Неправильный народ неправильно воюет!

Нацизм, «Майн кампф» и холокост
Европой принят благосклонно,
У Чемберлена план был прост:
Что просит фюрер – дать покорно.

«Адольф пусть Сталина грызет,
Война пылает на Востоке,
Она в Европу не придет», —
Мечтали Запада пророки.

Но Адик слушал Риббентропа.
Военный замысел широк:
Сначала захватил Европу,
Потом лишь двинул на Восток.

Европы роль в войне постыдна:
Направив враль продажных СМИ,

Черня Россию – совесть видно, —
Так глушат наши все враги.

Истории фальсификат
Флаг держит Польша и прибалты,
Идет вранья большой накат,
И поддержал Зеленский гвалт.

Вот почему шум-гам творим
Вокруг истории войны?
Удобно прятать так за ним
Фашизма явные следы:

**Европы праведный народ
Историю нещадно врет!**

Пришла всемирная беда,
Где косит «ковид» все народы,
Пришла внезапно, как всегда, —
План очищения природы.

Попробуем считать потери:
Обходит нас Европа здесь,
Отстать и в этом мы посмели —
Как Запад негодует весь!

**Какой неправильный народ!
Неправильно он даже... мрет.**

Весь Запад – ненависть и злость,
На нас льет лживые потоки.
Из пепла Русь моя встает
В весьма ускоренные сроки!

Давно известно, это точно:
Европа жаждет сотни лет
Порвать Россию в мелки клочья —
Извечный это их завет.

Войной им Русь теперь не взять!
Придется только изнутри
Ее стараться раскачать —
Мечтают наши все враги.

Иудин грех всегда в почете,
Отчизну чтоб «за серебро»
Продать, везде таких найдете —
Плевать, что будет с ней потом.

На мельницу чью льете воду,
Вновь выходя на свой протест?
Всем ясно: Западу в угоду,
Чтоб выполнить коварный тест.

Так мерзкой мысли ради вы
Свою Отчизну, Родину и Мать —
Стремленье есть, – ее в крови
Готовы утопить и растерзать.

За Путина, за Мир, за Русь!
Он правит нами двадцать лет!
Таким правителем горжусь!
Мой злопыхателям ответ.

Мир повернул на новый лад,
Для всех народов он – мессия.
Всей жизни на земле гарант,
А посему: Vivat Россия!

Так чей неправильный народ?!
И кто неправильный правитель?!

Москва, 16 мая 2020 г.

Антону Дельвигу и его друзьям

*Посвящается 190-летию
«Литературной газеты»*

Антон Дельвиго талант
Есть уникальное явление.
Свидетельства представить рад,
Чтоб подтвердилась точка зренья.

Душа поэта велика,
Объята времени громада,

С ним говорила сквозь века
Стихами Древняя Эллада!

Воображения ключи
Даны для зримого примера.
В лицейской зале вновь звучит
Язык Эсхила и Гомера.

Покорный музам и мечтам,
Экспромт читает юный гений,
Внимает дерзостным устам
Читатель прочих поколений.

Пилада слог, Оресту весть,
Звенела лира над лугами.
Подростку выпадает честь
«Делиться вечностью с богами»!

В служенье слову сила наша,
Питает знания горстями.
Вильгельм, Антон, Иван и Саша
Остались верными друзьями...

Дуэлью завершился смех,
Известна Сашина манера,
Любил разыгрывать он всех,
В делах любых должна быть мера.

Лицейскому народу ясно:

Немного Кюхля глуховат —
Предмет для колкостей прекрасный,
Но сам «объект» тому не рад.

И Кухля ставит себе цель:
Их прекратился чтоб поток,
Он вызвал Сашу на дуэль —
Успеха видел в этом толк.

Дуэль, похожая на фарс,
Скорее, на смешной конфуз.
Вот результат ее как раз —
Пробит у Дельвига картуз.

«Я ограничу к шуткам страсть, —
Так про себя сказал поэт. —
Как в картах, нужна смены масть!»
И выстрел не звучал в ответ.

Заряд иной попал в картуз,
Хранит история страницы,
Наш «соловей» покинул куст,
В бессмертье выпущена птица!

Возможно, Дельвиг и со мною
Имел когда-то тоже связь.
Я в детство дверь сейчас открою —
Ее там поищу как раз.

Рояль, Зарядье, сын и мама,
Алябьев, песня «соловья»,
Поет молоденькая дама —
В ней Дельви́г трели слов ваял!

Но это было так давно...
Курантов Спаса башни «глаз»
Через огромное окно
Взирал внимательно на нас.

Эллады ранней сонм богов
Антон знал лучше лицеистов,
Что отразил в стихах потом —
Младенчества их образ чистый.

Народных песен взяв узор,
Им подражал весьма похоже:
Не различить нам до сих пор,
Коли сравнить – одно и то же.

Связь с Дельви́гом любой найдет
И через песню «соловья».
Свидетель – детства эпизод,
Уверен в этом очень я.

В чем Пушкин с Дельви́гом слились?
Их чувства двигались навстречу
В единый мысли организм,
Что подтвердилось дружбой вечной!

Так Саша выразил любовь
Оригинальным изречением,
Связав несовместимость слов:
Антон – сын «лени вдохновенья»!

Но время подвести итог:
Святой поэта есть удел
Чрез мысли гениальных строк
Объединять сердца людей!

«ГазетаЛит» – культпатриарх!
Хранит свой почерк двести лет.
И Дельви́г был бы очень рад,
Узнав об этом как поэт!

Москва, май 2020 г.

Геннадий Швец

Три образования – Средняя школа № 48 в Копейске, техникум легкой промышленности (бухгалтер – там же), филологический факультет ЧГПУ.

«Это тот воздух, благодаря которому я дышу.

Многое совершили мои героические еврейские родители. Чту их за преданность, потому что без этого качества ничего бы не состоялось.

Творчество, как известно, неотделимо от жизненных устоев, что даны свыше. Не так ли? В молодости нашел максимум, окрыляющую земной путь: человек всесилен, если несокрушим его дух.

Разумеется, такому Белому ворону должно повезти на людей, соучаствующих в его судьбе. Кроме всего, эта улица – с двусторонним движением, потому что отдавать благороднее, чем брать.

В качестве отправной точки: я желаю читателям “Русского колокола” мужества жить на нашей земле! Без веры в себя вы не сможете постичь гармонию, без которой просто немыслима жизнь».

Львиное соло

За изгойство мое прости —
Этот жребий навеки мой.
Неизвестен конец пути,
Но в себе я пока живой.

Лето пестрое настает,
О котором просила ты.
Видишь солнце? Оно поет
Разрушениям вопреки.

Значит, жизнь прожита не вся
И энергии есть багаж.
Помни: это стезя твоя
И доволен Спаситель наш.

Если хочешь светить – свети.
Если хочешь уйти – забудь.
Все хорошее – впереди.
Прыгать я не забыл ничуть.

За изгойство мое прости,
За характер прости вдвойне.
Не показаны мне дожди —
Солнцу радуюсь я вполне!

Юрскому

Сорвало вновь звезду с земли —
Советскую, российскую.
Вы неожиданно ушли
Дорогою неблизкою.

Ушли, оставив нам кино
И книги суперумные.
По ним учиться суждено
Ночами неразумными.

Театр белеет где-то там,
Опять-таки без Юрского,
Идут таланты по стопам
Неотразимо юркого.

И продолжают путь они,
Сгорая под софитами,
Поскольку соединены
Пожизненно... с убитыми.

О, как же горестно стране
Терять артистов благостных...
Но так положено извне —
Без размышлений жалостных.

Скудеет Русь: ни дать ни взять.
Уходит поколение.
И с ним – высокая печать
На самосохранение.

Печаль

Уходят дни, и прочь заботы
По сбережению себя.
Так хочется победной роты
И судьбоносного огня.

Чтоб мы не социум крушили,
А созидали теплоту,
Не выживали бы – служили,
Не очерняя чистоту.

Не предавали бы святыни
От наших драгоценных мам
И, став когда-то возрастными,
Смогли б ответить по счетам.

Как тяжело планете с нами —
И не справляется она
С ожесточенными сердцами,
Где только горе и война.

Уходят дни, и мирозданье
В глаза не смотрит, вопиет:
– Кто вы, столь мрачные создания,
Какой оставите вы след?!

Акростих

Гоним – и принимаю это.
Едва ли от корней бегу.
Не продаю удел поэта —
А просто пеструю строку.

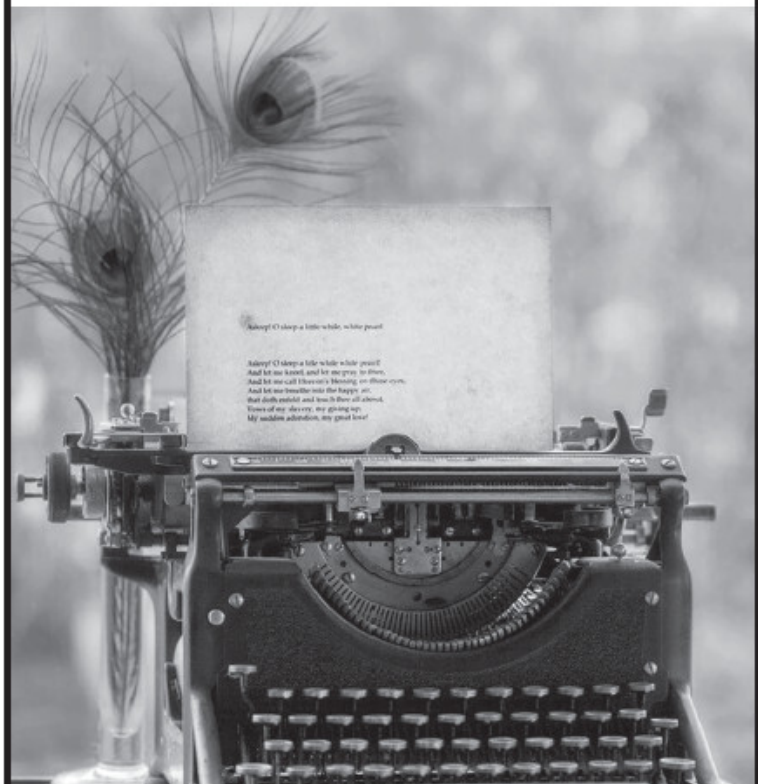
Шутка

Вдоль поляны георгинов —
По велению Актрисы —
Музыка с небесной выси
Расточает ей сюрпризы!

Повелитель же сюрпризов
Столь изысканнейшей Даме
Оказался вне капризов,
Между этими стихами.

Писатели Забайкалья

Писатели Забайкалья

Ахмет! О sleep a little while, white pearl!

Ахмет! О sleep a little while pearl!
And let me sleep, and let me grow to sleep,
And let me call Heaven's blessing on those eyes,
And let me breathe into the happy air,
That death could not and love is there all around,
Voices of my slavery, my going up,
My sudden attention, my great love!

Петр Перминов

Родился и вырос в Забайкалье. Проживает в городе Чите. Пишет стихи, музыку на тексты. Заслуженный деятель культуры и искусства Читинской области. Состоит в Российском авторском обществе поэтов и композиторов. Член Российского союза писателей. Издал несколько сборников литературно-музыкальных произведений.

Родника исток

Мне в детстве нравилось у дедушки в саду:
Шум листьев тополей и пение пернатых.
Я это все в душе всю жизнь свою храню,
Как родника исток и жизни миг приятный.

Еще моих родных всех слышу голоса,
Хоть столько лет прошло с тех пор уже далеких.
Алыт нежный бабушки, негромкий деда бас,
Родное сердцу «так?», щемящее до боли.

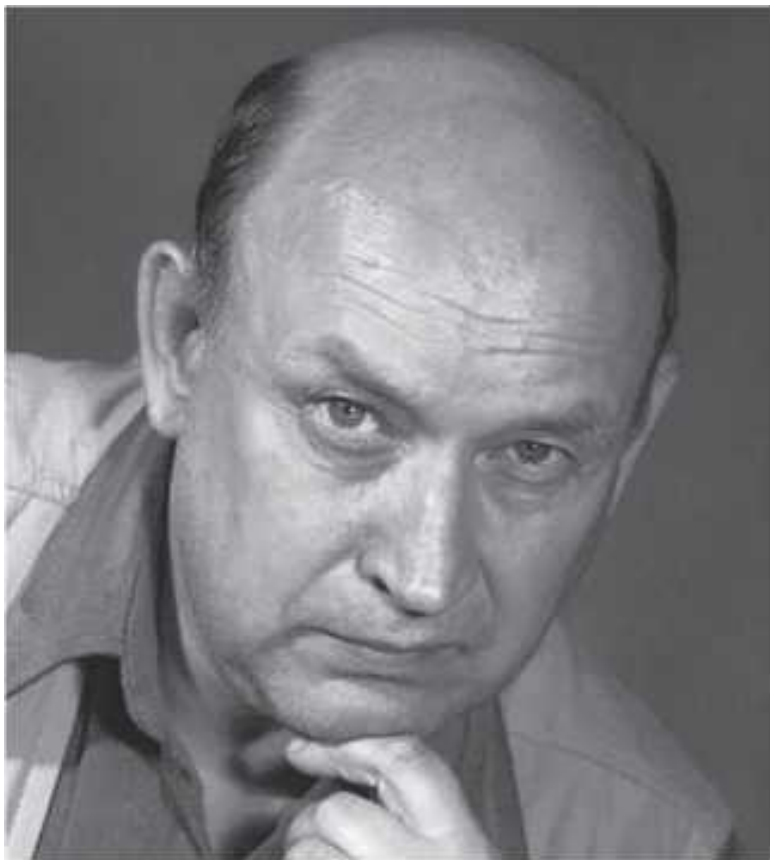
Уже немолод я, и седина в висках.
Как хочется порой на миг остановиться,
Чтоб соизмерить путь, который прошагал,
И всем, кого уж нет, им низко поклониться.

Да стопочку поднять и всех их помянуть,
Предназначение наше понять намного глубже.
Зачем мы с вами здесь, на «грешной» на Земле?

Душой все осознать и быть мудрей и лучше.

1996 г.

Валерий Тытенко

Валерий Дорофеев (Тытенко). Член Интернационального Союза писателей, член Российского союза писателей. Прозаик и поэт. Проживает в городе Чите Забайкальского края.

«К тихой речке...»

К тихой речке
Я с детства стремлюсь.
Мне покой бы да сон до зари...
Укачала великая Русь.
Укачали меня январь.

Запишусь-ка я летом в поход
К водопадам и скалам крутым,
Где река серебристая ждет,
На полянах трепещут цветы.

Напишу я любимой письмо
У костра. Надо мной
Млечный Путь.
И висела луна над рекой,
Навевая греховную суть...

И томилась безмерно душа —
Быть свободным всегда хотел.
И, проблемы свои придержав,
Я придумал себе удел.

«Я рай познал с тобой нетленный...»

Я рай познал с тобой нетленный,
Где шорох трав ласкал мне слух
И глас поэта вдохновенный
Оберегал нас от разлук.

Мы в тишине покой искали
И пили волю, как вино.
О том и близкие не знали,
Что было Господом дано.

Сей островок – души обитель
Для нас давно судьбою стал.
Я твой любовник, повелитель...
А ты – мой верный идеал.

Я помню...

Я помню, мама! Ты была жива
Любовью к нам.
Наш дом хранила свято.
Огонь в печурке. Тополь. Он едва
Стоял, чтоб нас

От злобной вьюги спрятать.

Еще я помню: за окном темно...

Укрыла ночь сибирскую обитель.

Наш дом родной,

Что опустел давно,

Он как маяк —

Мечты моей хранитель...

Река Тяжинка, скованная льдом.

Там свет зари

И горизонт далекий,

И вдаль бежит

Дорога за окном...

Трещит мороз.

Стоит сугроб высокий.

Современная проза

Современная проза

Рамиз Аббаслы

Азербайджанский писатель, переводчик художественной литературы.

Родился 1 июля 1948 года в селе Паправенд Агдамского района Азербайджанской Республики. Учился в сельской школе. Очень любил точные науки – математику, физику, химию. Большой интерес проявлял к музыке, рисовал, читал художественную литературу: азербайджанские сказки, дастаны; особенно понравился ему эпос «Кер-оглы». Учился в Бакинском государственном университете.

Пишет на азербайджанском и русском языках. Художественную литературу переводит с английского, немецкого и русского языков. Автор пяти книг, многочисленных статей и переводов.

Отравленный кофе **рассказ**

В полдень к отелю «Шахдаг» райцентра Губа подъехал красивый автобус. Осень уже в разгаре, но везде в Азербайджане, даже в его северных районах, отличная погода: ясный и солнечный день. Автобус остановился, двери открылись. Пассажиры стали выходить; все они туристы и, как ни странно, все они поэты и писатели. Это, конечно, редкое явление, но в тот период в этом ничего удивительного не было.

В самом конце сентября в Баку начался литературный фестиваль народов стран Евразии. А по регламенту третий день

фестиваля был днем экскурсий. Участники фестиваля – сто пятьдесят человек – разделились на три группы, и одна из них предпочла поездку в город Губа. Как только все сошли с автобуса, гид на английском и русском языках сказал, что сейчас у них кофе-брейк, – это иностранное слово, и означает оно перерыв, во время которого люди отдыхают, пьют чай или кофе. Посмотрев на свои наручные часы, гид добавил, что через тридцать-сорок минут все туристы должны собраться здесь и отсюда поехать на встречу с представителями – любителями литературы – района.

Люди устали. В восемь часов утра они выехали из Баку. В половине одиннадцатого их автобус прибыл в Губу. Гости посетили Мемориал памяти жертв геноцида. На это ушел ровно час. Теперь же время отдыха; в спокойной обстановке можно посидеть, поговорить, выпить чай или кофе.

В ресторане гостей встречали очень радушно. Часто звучали слова «хош гялмисиниз!», «добро пожаловать!», «вэлком!». Кофе-брейк был роскошным. Предлагали пить свежесваренный чай, кофе, фруктовые соки, минеральные воды, даже родниковую воду. Можно было пробовать сладости азербайджанской национальной кухни: шекербуру, пахлаву, шекинскую халву, бадамбуру, губинскую пахлаву, шоргогал... И все это совершенно бесплатно и без каких-либо ограничений. Такой роскошный кофе-брейк туристы увидели впервые.

Вокруг одного из столов собрались четыре человека:

Ричард Беренгартен – поэт, литературовед, профессор Кембриджского университета, человек всемирно известный, но удивительно простой, Сильви Мария – молодая, но уже известная поэтесса из Бельгии, Мариже Лангелаар – тоже молодая и тоже известная поэтесса, но она из Голландии, и Джамал Бенхайуон – известный в арабском мире поэт, литературовед, профессор из Марокко. Все они взяли по чашке кофе. Мужчины взяли пахлавы и шекербуры, женщины же сладостей взяли больше. Удобно расположившись, все они похвалили кофе-брейк. Ничего не скажешь, здесь все прекрасно. Да вы посмотрите, какой ассортимент! А теперь давайте посмотрим, что за сладости у них. опередив всех, веселая Сильви Мария откусила пахлаву. По лицу видно было, что пахлава ей очень понравилась. Так она и сказала: «Excellent!»

Сидящие за столом, за исключением Джамала, сразу же попробовали пахлаву, и все кивали, что означало их согласие с оценкой Сильви Марии. Джамал не принимал участия в дегустации сладостей; он взял кусок сахара, бросил в свою чашку и стал медленно размешивать ложкой. Между тем Сильви Мария уже пробовала шекербуру и опять дала высокую оценку: «Excellent!» Вслед за ней шекербуру пробовала Мариже Лангелаар, она тоже похвалила эту сладость. Беренгартен же решил доест пахлаву, а потом взяться за шекербуру. Но ему не нравилась вялость Джамала, и он хотел его расшевелить.

– Вы так долго размешиваете... Ешьте сладости, они очень вкусные.

– Хорошо, – вежливо сказал Джамал.

Но Джамалу не до еды было. Он пригубил кофе. На его удивление, кофе оказался очень горьким. Джамалу стало очень неприятно. Он взял еще два куска сахара. Их тоже положил в свою чашку и стал размешивать ложкой. Потом опять пригубил кофе. Но увы! Ничего не изменилось, даже дополнительные куски сахара не изменили вкус кофе. Ему хотелось выплюнуть и прополоскать рот водой. Между тем его лицо изменилось: оно выражало боль и отвращение. Заметив это, Сильви Мария забеспокоилась и спросила:

– Что с вами? Вам плохо?

– Кофе очень горький, – с трудом сказал Джамал. – «Горький» – не то слово, как будто это не кофе, а какая-то отравка.

На лице бельгийской поэтессы появился страх, и ее волнение сразу же передалось голландской поэтессе. А та чуть не заплакала и с сожалением сказала:

– А это зачем?!

– Всем нам кофе налили из одного кофейника, – хладнокровно сказал Беренгартен. – Я, как всегда, в чашку положил один кусок сахара. Вот и пью его, – так сказав, он сделал глоток. – Он вовсе не горький, очень даже нормальный.

– Я тоже положила в свою чашку один кусок сахара, и мой кофе нормальный, – сказала Сильви Мария.

– А вы сколько сахара положили в свою чашку? – спросил

Беренгартен, обращаясь к Джамалу.

– Сперва положил один кусок. Попробовал – горько. Потом еще два куска положил. Опять попробовал – опять горько. Очень горько.

– Я считаю, что проблема не в кофе, а в вас, – сказал Беренгартен. – Вы или заболели, или же в связи с переменой климата у вас началось какое-то недомогание. Насколько я помню, утром в Баку вы завтракали нормально, пили и чай и кофе. Не так?

– Вы правы, – сказал Джамал. – Утром все было нормально.

– Давайте сделаем так: вы возьмите себе новую чашку кофе. Еще возьмите побольше сахара и несколько ложек. Все это принесите сюда. А потом я скажу, что надо делать дальше, – сказал профессор из Кембриджа.

Джамал сделал то, что просил Беренгартен. При всех в чашку бросил два куска сахара, чистой ложкой размешал. Беренгартен чистой ложкой взял кофе, попробовал и сказал:

– Это для меня сладко.

Потом из этой чашки пробу взяла Сильви Мария. Она сказала, что кофе очень хороший.

– А теперь попробуйте вы, – обращаясь к Джамалу, сказал Беренгартен. – Но, пожалуйста, только чистой ложкой; мы здесь проводим эксперимент, и, наверно, после вас еще кто-то захочет попробовать кофе из этой чашки.

И Джамал попробовал кофе. Но при этом он так вздрог-

нул, словно в его рот попало что-то очень отвратительное и мерзкое. Ему казалось, что все его внутренности сейчас вывернутся наизнанку и содержимое выльется прямо на стол. Это испугало его, он быстро схватил салфетку со стола и ладонью правой руки закрыл себе рот.

– Кто-то отравился! – эти слова молниеносно дошли до всех. Но, несмотря на очень высокую скорость, они все же успели значительно измениться, и люди уже стали говорить о другом.

– Кого-то отравили!

К столу, где сидел Джамал, прибежали гид и шеф-повар. За ними подоспел заврестораном. Люди были в тревоге и хотели знать, что случилось. Беренгартен на английском языке вкратце изложил, как было дело. Потом дал свое заключение: человек заболел, и, наверно, ему нельзя пить кофе.

– Вот его кофе, – сказал Беренгартен. – Мы все пробовали из его чашки: кофе нормальный. И он пил из этой же чашки, но ему кажется, что кофе очень горький. Если хотите, можете попробовать. Все мы, в том числе и Джамал, пробовали чистой ложкой.

Шеф-повар, гид, а после них заврестораном пробовали кофе. И все они облегченно вздохнули: нет проблем, кофе отличный.

– А что же случилось тогда? – спросил один из туристов.

Беренгартен, как ученый человек, был уверен в правильности своего мнения и еще раз повторил:

– Человек заболел, и ему нельзя пить кофе.

– Вы правы, – сказал гид. – Но здесь есть одно но. Если помните, когда я рассказывал о мемориале...

У мемориала гид рассказывал:

– В 1918 году вооруженные до зубов армянские бандформирования напали на Губинский уезд Бакинской губернии – нынешний Губинский район Азербайджанской Республики. Бандформированиями командовал армянский генерал Амазасп Срванцян. А он не скрывал своего намерения, в его обращении к населению Губинского уезда говорилось: «Я пришел, чтобы уничтожить все население этого края от берегов Каспия до вершин Шахдага». Так началось массовое истребление населения Губинского уезда: было убито шестнадцать тысяч человек, сто шестьдесят семь селений было стерто с лица земли. В основном пострадали женщины, дети и старики. Но эта кровавая акция была не первой и не последней. Массовая резня мирного населения была осуществлена и в Баку, там в течение трех дней бандиты убили тринадцать тысяч человек.

А в Шемахинском уезде от рук армянских бандитов пало более восьми тысяч человек.

Амазасп Срванцян был не один: в то время на территории Азербайджана было много бандформирований и армянских генералов. Они уничтожали мирное население не только в Бакинской губернии, но и в Карабахе, Зенгазуре, Нахичевани, Иреване. Только в Нахичевани было убито семьде-

сят четыре тысячи человек. А из этого явствует, что Губинская трагедия была одним из многочисленных кровавых событий того времени. В результате погибло шестнадцать тысяч человек. Шестнадцать тысяч трупов. Бандиты не похоронили их, им не до этого было. Их сотнями бросали в ямы и засыпали землей. Но далеко не всегда удавалось найти подходящие ямы. Тогда бандиты копали глубокие колодцы и трупы бросали туда.

В 2007 году при проведении строительных работ на правом берегу Гудиалчая, где мы сейчас стоим, строители обнаружили останки человеческого тела. Работа была остановлена. Пригласили специалистов, и на этом месте начались раскопки. Нашли два колодца, в которых были погребены более четырехсот человек. В 2013 году на этом месте построили Мемориал памяти жертв геноцида.

А теперь мы зайдем во внутреннюю часть этого сооружения, – сказал гид.

Туристы направились ко входу саркофага, где из шестнадцати тысяч погибших были похоронены четыреста человек. Лестниц не было, люди спускались по наклонной дороге вниз.

На простом языке это означает, что с помощью специального тоннеля посетители вошли в зону колодца – необычной могилы, где погребены сотни людей. В подземелье они увидели скелеты погибших людей, фотографии тех времен и свидетельские показания очевидцев, а также акты расследо-

ваний специальных комиссий по горячим следам чудовищного преступления, отрывки правительственных нот и газетных статей тогдашнего времени, осуждающих злодеяние преступников.

Через час туристы вышли из подземелья. Посещение мемориала завершилось, и туристы стали собираться у подножия лестницы. В этот момент к ним подошли корреспонденты средств массовой информации и начали задавать вопросы. Один из корреспондентов, молодой человек лет тридцати, подошел к Джамалу и на английском языке спросил:

– Вы откуда?

– Я из Марокко, – сказал Джамал.

– Вы уже посетили мемориал. Каковы ваши впечатления?

– Мои впечатления... – сказал Джамал и задумался. – Вы задаете очень трудный вопрос. Я сам поэт, но в данной ситуации не могу ответить на ваш вопрос, потому что я потрясен, я в шоке. Чтобы выразить свои чувства, переживания я должен трудиться день и ночь, написать сто книг. Не знаю, справлюсь ли с этой задачей. Задача непростая, но я обязан сделать это. Задавая дополнительные вопросы гиду, я выяснил, что эта кровавая акция не была случайной: все это было заранее запланировано и продолжалось ровно сто лет. Началась она на заре XX столетия и завершилась только в конце века. Эта вековая и беспрецедентная акция завершилась геноцидом в Ходжалах. Людей не только убивали, безбожно издевались над их трупами. Сжигали не только трупы, но и

живых людей. Особенно жестоко обращались с детьми: их сжигали на кострах, как сжигают сухие дрова или солому. И, как ни странно, все это нашло свое отражение в армянской литературе. В рамках фестиваля на пленарных заседаниях мы, поэты и писатели со всего мира, обсуждаем глобальные проблемы человечества и роль литературы в формировании человека будущего. Если в современном мире совершаются такие преступления, как можно говорить о формировании нормального человека? Если все это совершается на наших глазах, то и мы сами в какой-то мере являемся соучастниками этого преступления. Мы живем в очень небольшом и хрупком мире. А человек своими злодеяниями отравил этот мир. Вокруг нас все отравлено, все ядовито – я хочу писать об этом.

На необитаемом полуострове

рассказ

Мне приходилось иногда слышать, казалось бы, необидные упреки: «Ты способен только сидеть и читать книгу». Так говорили люди, которые меня хорошо знали, и они хотели сказать, что я, как молодой человек, не способен на практические дела: где-то работать, решать практические вопросы, сделать себе карьеру... Это нехорошая характеристика, в глубине души я даже обижался, но не стал с ними спорить. Вместе с тем я был уверен, что эти люди заблуждаются. Ведь,

будучи учеником средней школы, я очень хорошо помогал своим родителям в ведении нашего хозяйства: мы держали скот, у нас был еще большой приусадебный участок. А там было очень много работ. Честно говоря, среди своих сверстников я больше всех и лучше всех работал, чтобы наше хозяйство процветало. С другой стороны, я и хорошо учился. Да, так было. А потом условия изменились: я переехал в город и стал студентом. Учился в самом престижном вузе – в университете. В то время очень трудно было поступить в университет. Я же справился с этой задачей: поступил на дневное отделение университета, учился и уже перешел на пятый курс. А те люди продолжали говорить: «Ты способен только сидеть и книгу читать». Незнакомые люди же говорили по-другому.

– Молодой человек, чем вы занимаетесь? – иногда спрашивали меня.

– Я студент, – отвечал им я.

– А где вы учитесь?

– В университете.

– В университете! – говоря так, они с заметным удивлением осматривали меня с ног до головы и, казалось, даже не верили, но все равно хвалили: – Ты молодец.

После завершения учебы я попал в коллектив, где работали и мои сверстники. Но эти молодые люди в основном были без высшего образования. Только одна девушка заочно училась в каком-то техническом вузе. И когда меня представи-

ли ей и сказали, что молодой человек, то есть я, после завершения учебы в университете по направлению пришел к ним работать, девушка заметно смутилась и отпрянула, как будто от чего-то неприятного. Не могу сказать, почему она так смутилась и отчего ей стало неприятно. А точно помню, что при виде этой красивой девушки я про себя подумал: «Вот обнять бы ее тонкую талию и...» Ничего не поделаешь, она была очень соблазнительна. Может быть, без предварительной подготовки такая лобовая атака – даже мысленно – ей не понравилась, и, посчитав это дерзостью, она отпрянула. Но это маловероятно, потому что, как потом мне передали, в таких делах она была опытна и, оказывается, столько лет флиртowała с начальником отдела. Скорее всего, ее оттолкнул мой ветхий костюм, и, наверное, по ее мнению, молодому человеку после завершения учебы в университете следовало бы явиться на работу не в таком барахле, а в приличном костюме. А в своем поношенном и ветхом костюме я был похож на бедного пенсионера, который годами ходит в одном и том же уныло-сером одеянии, купленном давно – «до нашей эры», то есть когда он еще не был пенсионером, а работал. А если бы в начале четвертого курса я не решил, что обязательно куплю себе костюм, наверно, даже этого не было бы.

На четвертом курсе, в начале учебного года, я решил, что обязательно куплю себе костюм. Поэтому двадцатого сентября, получив стипендию за три месяца – июль, август и сентябрь, – я поехал в центр города и зашел в ЦУМ. Там бы-

ли хорошие импортные костюмы, и в основном все это было производства братских социалистических стран – в то время у нас, в Советском Союзе, так назывался ряд восточноевропейских стран: Болгария, Румыния, Югославия, Венгрия, Чехословакия и т. п. Цена же на эти костюмы начиналась с девяноста рублей. А мне надо было решить задачу: на сто пять рублей купить костюм, пятнадцать рублей заплатить за квартиру, а на оставшиеся деньги жить до следующей стипендии. Быстро прикинув, я понял, что в данной ситуации задачу с такими данными решить невозможно. Настроение испортилось. Я вышел из ЦУМа, прошел через парк фонтанов. А там, напротив парка, в ряде красивых двухэтажных домов, ближе к базару «Пассаж», на первом этаже был большой промтоварный магазин. Я зашел в этот магазин. Там тоже были хорошие импортные костюмы. Они тоже были производства братских социалистических стран. Здесь тоже, как и в ЦУМе, цены начинались с девяноста рублей.

«Вот не везет, и все», – подумал я.

Но, несмотря на это, поиски продолжались, я надеялся на счастливый случай: может быть, среди этих костюмов найду костюм, который стоил бы дешевле, например, семьдесят рублей.

Я долго возился. Поиски еще продолжались. Но, видимо, нервы одного из работников магазина, наблюдавшего за мной, не выдержали, и он – очень аккуратно одетый мужчина лет тридцати пяти – подошел ко мне.

– Гардаш, тебе костюм нужен? – сказал он.

– Да, – сказал я.

– Какой, импортный или местный?

В то время в Баку были и швейные фабрики. Они работали на полную мощность: месячный, квартальный, годовой и пятилетний планы выполнялись на сто три целых и шесть десятых процента. В магазинах было полно бакинских костюмов. Но ни один уважающий себя человек не покупал их, потому что они были некачественны и некрасивы, на вид даже уродливы. Купить местный костюм считалось позором; лучше было бы ходить в старых лохмотьях, чем в новом костюме производства Бакинской швейной фабрики имени Володарского. Естественно, я тоже не хотел опозориться, поэтому сказал:

– Импортный.

– У нас здесь очень хорошие импортные костюмы, – сказал продавец магазина.

– Да, я вижу. Но цены...

– Ты студент?

– Да. Откуда узнали?

– Это видно. Где ты учишься?

– В университете.

– Молодец. А на каком курсе?

– На четвертом.

– Учишься на четвертом курсе университета, а одет-то не по-университетски. Тебе нужен хороший костюм.

– Я тоже так думаю. Поэтому и зашел сюда.

– Скажи честно, вот в данное время сколько ты можешь заплатить за костюм?

– Во всяком случае, девяносто рублей не могу.

– Если не секрет, сколько?

– Не более семидесяти рублей.

Мужчина открыл боковую дверь – видимо, это было подсобное помещение, скорее всего, склад магазина – и мгновенно исчез. А буквально через две минуты он появился с каким-то костюмом в руках.

– Ты возьми это, заходи за эту занавеску и там примеряй. На правой стороне от зеркала есть выключатель для освещения.

Я зашел за занавеску, включил свет. При ярком свете, стоя перед большим зеркалом, я начал проверять этикетку, покров, подкладку, пошив, цвет... Костюм болгарского производства, серого цвета с синеватым оттенком – это как раз тот цвет, который я люблю. После предварительной проверки я начал примерять. И пиджак, и брюки были как раз впору.

«Сволочь, все знает, – подумал я, – даже не спросил, какой размер я ношу, а принес то, что мне нужно».

– Примерил, нормально, – сказал я продавцу. Но при этом постарался скрыть свой восторг, с тем чтобы он, узнав об этом, не надумал поднять цену. – Интересно, а сколько стоит этот костюм?

– Это такой же костюм, который на витрине стоит сто руб-

лей. Разница в ценах объясняется тем, что в его материале синтетики на пятнадцать процентов больше. Подумаешь, большое дело. Костюм, безусловно, хороший. На складе базы, где мы их берем оптом, один такой костюм стоит шестьдесят рублей. Своим знакомым и хорошим людям я их из-под прилавка продаю за семьдесят рублей. Ты студент, учитывая это, с тебя я возьму шестьдесят пять рублей. Если у тебя денег мало, можешь даже этих пяти рублей не давать.

Я был тронут великодушием совершенно незнакомого человека. Одновременно больно сжималось сердце, потому что некоторые мои знакомые, даже кое-кто из родственников, работали в другой части города в таких же магазинах и часто видели меня. Безусловно, такие же костюмы получали и они. Но они никогда мне ничего подобного не предлагали, даже намек не было.

– Нет-нет, что вы! Так нельзя. Я дам вам шестьдесят пять рублей. Сейчас у меня деньги есть: я получил стипендию. Вы и так делаете мне большое одолжение. Спасибо, – сказал я.

Кто же был этот человек? Сейчас я очень сожалею, что не спросил его имя. Я увлекся костюмом и забыл спросить. Обязательно надо было спросить и запомнить на всю жизнь.

С этим добрым человеком мы расстались как хорошие друзья. Он мне сказал, что через два месяца они получают хорошие импортные плащи, а среди них иногда бывают и недорогие – за пятьдесят-шестьдесят рублей – нормальные плащи с теплой подкладкой.

– Я тебе дам хороший плащ, – сказал он, – их можно носить даже зимой, как пальто.

Но, к сожалению, этот добрый человек ошибся: наверно, думал, что каждый месяц у меня в кармане бывает лишних шестьдесят рублей. Я это понял сразу, но был взволнован, находился в состоянии эйфории и под шумок ему обещал, что через два месяца опять зайду в их магазин и куплю недорогой, но добротный импортный плащ с теплой подкладкой. Это было нереально, поэтому я не мог выполнить свое обещание. А этот добрый человек, наверное, припрятал импортный плащ для незнакомого студента и некоторое время даже ожидал его. Сейчас, думая об этом, я очень сожалею, что имени этого человека не знаю.

Спустя два года на мне был тот же костюм, который я приобрел благодаря этому доброму человеку. Но за это время он стал поношенным и ветхим, потому что я его часто носил и не очень-то хорошо следил за тем, чтобы он был в хорошем состоянии. А вот надо было. И в этом вопросе я обнаружил свою непрактичность. А красавица, у которой была тонкая талия и хорошая походка, увидев меня в этом костюме, отпрянула. Но в тот же день, после обеда, я слышал, как она шушукается с парнем, сотрудником нашего отдела.

– Видишь, что делают люди, – вроде за моей спиной сказала девушка, но, как ни странно, я слышал все, что она говорила. – Он твой ровесник, уже успел окончить университет, а ты еще думаешь и до сих пор не решил, куда поступить.

Парень молча сидел. Как потом выяснилось, он на тройки кое-как окончил среднюю школу и ему некогда было думать о высшем образовании. А девушка просто дразнила и хотела расшевелить его. С ее стороны это было неправильно: нельзя же заставить человека прыгнуть выше головы. Напрасно так делала девушка, и это говорило о том, что она непрактичный человек. А то, что она флиртовала с начальником отдела, это тоже говорило о том, что она как женщина человек непрактичный. Да, понятно, начальник был холост, у него была неплохая должность и деньги. Даже говорили, что он обещает на ней жениться. А что мешало ему взять и жениться на ней? Время шло. Начальнику уже перевалило за сорок, и он был старше ее на семнадцать лет. Она что должна была делать, подождать еще десять лет, чтобы ее избраннику перевалило за пятьдесят? Нет, она не дождалась. Она нарвалась на того, у кого уже была любовница; у начальника действительно была другая любовь, и я хоть человек непрактичный, но сразу же раскусил его. В принципе, это было нетрудно, потому что начальник из этого секрета не делал и при первой встрече со мной прямо сказал, что в жизни для него главное – это деньги. В данном отношении эта девушка была непрактичной, и мне даже было жалко ее. А она при первой же встрече как отпрянула от меня, так потом никак не могла относиться ко мне как к коллеге по работе, то есть деловитонейтрально. Порой мне казалось, что она просто ненавидит меня, – беспричинная ненависть. Такова сила первого

впечатления.

Я – непрактичный человек, студент пятого курса – сошел с поезда Нахичевань – Баку и покинул территорию вокзала. Был уже конец августа. На привокзальной площади стоял троллейбус номер 1-А, который курсировал между Баиловым и железнодорожным вокзалом. Это как раз то, что мне было надо. Я быстро побежал и сел в троллейбус. Водитель как будто меня и ждал – по-другому думать как-то невозможно было, потому что как только я вошел в почти пустой салон, двери тут же закрылись, и троллейбус тронулся с места.

Два месяца меня не было здесь – в Баку. Я был в Нахичевани. Мы, студенты, ездили в Нахичевань на двухмесячные сборы. А в конце сборов сдали экзамен по военному делу и получили звания офицеров – вот еще одна практическая задача была успешно решена. И вроде все было нормально. Но здесь было одно но: у меня денег не было. Я сидел в троллейбусе и думал, где найти деньги, чтобы дожить до стипендии, которую обычно давали двадцатого сентября. Но на сборах нам сказали, что студентам пятого курса стипендию дадут раньше – скорее всего, десятого сентября.

Сентябрьская стипендия... Тот, кто учился в вузах во второй половине XX века, до распада СССР, и учился более-менее успешно, помнит, что в начале третьей декады сентября студентам дневного отделения давали стипендию сразу за

три месяца: июль, август и сентябрь. В университете стипендия была тридцать пять рублей, а наша сентябрьская стипендия составляла сто пять рублей. Для студента, который умел разумно тратить деньги, это была приличная сумма денег. Но, к сожалению, в этом вопросе я сильно хромал, потому что думал: если в кармане есть деньги, почему их не тратить? Нельзя же все время – даже если есть деньги – экономить. Это было неправильно, поэтому за время учебы я порой сталкивался с очень серьезными денежными проблемами. Даже два раза в разных семестрах сдал экзамены по политэкономии на отлично, я не научился разумно тратить деньги. Я получал стипендию, по возможности сезонно работая то сторожем, то чернорабочим во вторую смену, – зарабатывал небольшие деньги. Но денежная проблема все время преследовала меня и висела над головой как дамоклов меч.

Троллейбус едет медленнее автобуса. Но я не торопился, наоборот, даже был рад, что мой транспорт ползет как черепаха. На всех поворотах дороги, как правило, штанга срывалась с линии электропередачи. Сперва слышался глухой стук о крышу, а потом какой-то другой звук, который издают ядовитые змеи при приближении к ним человека. Такой же звук издает и глава гусиной стаи, когда замечает, что, нарушив безопасную дистанцию, к его стае приближается человек или какое-то животное: «Тыс-с-с!» После этих предварительно-предупредительных сигналов троллейбус сразу

же вставал как вкопанный на том месте, где оказался в тот момент, когда сорвалась штанга. Водитель, надев рукавицы, быстро выходил из кабины и начинал возиться со штангой: с помощью специальной веревки он тянул штангу вниз, наносил удары по головке штанги – хотел изменить ее положение так, чтобы она, обхватив линию электропровода снизу, прижалась к ней. Если устранить неполадку такими примитивными способами не удавалось, тогда он бывал вынужден вернуться в кабину, взять необходимые инструменты и снова вернуться к месту происшествия... А это означало, что аварийная остановка троллейбуса будет продолжаться.

Если кто-то из пассажиров торопился, для него это был сущий ад: от злости он чуть ли не лопался и начинал проклинать троллейбус как особый вид городского транспорта – кто придумал его и кому он нужен, – потом обвинял водителя в непрофессионализме – оказывается, он вовсе не водитель, а сапожник, его поймали на улице и посадили в кабину водителя. А в самом конце своей обвинительной речи он обрушивался на себя: оказывается, он сам тоже не умный человек, а дурак, потому что, зная, как работает этот проклятый троллейбус, все равно взял и как будто нарочно, что ли, опять сел в него. А я не торопился, мне надо было как можно дольше задержаться в дороге, подумать и хотя бы мысленно решить вопрос: где можно достать пятнадцать рублей, чтобы дожить до стипендии.

Об этом я думал не только в троллейбусе, но и задолго

до того, когда мы ехали на поезде, то есть всю ночь я думал об этом. Этот вопрос тревожил меня даже раньше. Правда, в канун сдачи экзамена, который мы сдали в конце сборов, обычное волнение студента перед экзаменом почти полностью подавило эту тревогу. Но как только экзамен был сдан, она проявила себя с особой силой и снова захватила все мои мысли. Если не найду эти деньги, тогда или умру с голода, или серьезно заболею, не успев окончить учебу. Но сколько я ни думал, все равно выхода так и не нашел. Предполагалось, что единственно верный выход из этого положения – взять в долг у хозяина квартиры. Но даст ли он? Гарантии не было. Ситуация осложнялась еще и тем, что я ему должен был пятнадцать рублей квартплаты за август.

В конце июня, заплатив квартплату сразу за два месяца – июнь и июль – хозяину, я сказал, что еду в Нахичевань на двухмесячные сборы, но квартиры не сдаю, оставляю за собой. Что касается квартплаты, за июль я уже заплатил, а в конце августа приеду и сразу же заплачу за этот месяц. Он вроде не возражал. Вот и конец августа, я только что вернулся со сборов и по договоренности должен был платить за август. А получается наоборот: вместо того чтобы погасить свой долг, я буду просить в долг у него, обещая вернуть все долги – старый и новый, – когда получу стипендию. Поверит ли он моим словам, пойдет ли на такую сделку? Нет, он не дурак и денег не даст. Даже выразит неудовольствие, что я задерживаю квартплату. Вот в такой обстановке как можно

просить у него деньги в долг?

Вообще-то я не люблю у кого-то просить деньги в долг. Даже в молодости, в особенно трудные студенческие годы я ни у кого деньги не занимал. Но как быть, если они очень нужны? Я сидел в троллейбусе, ломал голову, чтобы найти выход из трудного положения. Между тем, аварийно останавливаясь на каждом повороте, троллейбус медленно, но все равно полз вперед. Вот он уже миновал судоремонтный завод, который раскинулся на левой стороне от меня, на берегу моря. Позади, на правой стороне, осталась и пожарная часть. А здесь уже поворот налево, и, как правило, штанга должна сорваться. Точно: сразу же послышался глухой стук по крыше троллейбуса, а затем неприятный звук встревоженной змеи: «Тыс-с-с!» И троллейбус, не шевелясь, встал на месте, как мгновенно убитый гигант. Но на моем пути это последняя аварийная остановка, потому что, миновав этот поворот, троллейбус выйдет на прямую дорогу, и до самой конечной остановки никаких поворотов и аварийных остановок не будет. А я сойду через остановку, не доезжая до конечной, возле старого баиловского базара.

Старый баиловский базар – в поселке Баилове был такой базар. Потом как-то неожиданно его закрыли и ликвидировали. А люди не забывали его, даже спустя много лет часто говорили: «Возле старого базара», «Недалеко от старого базара» и т. п. Вспоминали его, потому что это был хороший базар: уютный, удобный, и, самое главное, там бы-

ло изобилие. Базар ликвидировали, а на его месте установили памятник какому-то якобы известному человеку, который до установки памятника никому не был известен. Как ни странно, этот гранитный бюст тоже не помог ему стать известным хотя бы у населения одного поселка, даже на уровне какого-то колхозного базара. Оказывается, у известности тоже иногда бывают свои капризы: когда она упирается и упорно сопротивляется, памятники, награды, титулы, даже правительственные награды никакой роли не играют.

Вот наконец-то доехали. Это была остановка старого базара. Я сошел с троллейбуса. Эта была и моя остановка, потому что я жил в этом районе. Моя квартира, вернее, квартира, которую я снимал, находилась наверху: выражаясь жаргоном местного населения, я жил на горе. Самую дешевую квартиру во всем городе можно было найти только здесь. Даже язык не поворачивается называть их квартирами. Моя квартира, например, с трех сторон – восток, запад и север – не имела не только окон, но даже форточки для проветривания. Не вдаваясь в подробности, скажу честно: это был не дом, а антидом. Я точно не могу сказать и не додумался спросить у хозяина, раньше, то есть лет двадцать-тридцать назад, в этой хижине жили люди или же там держали скот? Как-то даже очень странно, у этого человека во дворе было несколько таких хижин, и он их сдавал таким, как я, остро нуждающимся в дешевой квартире.

Там, на горе, магазинов не было, и мы туда поднимались

по лестнице. А вокруг остановки старого базара магазинов было полно – это был как бы торговый центр. Почти все необходимые вещи я покупал в этом «торговом центре» – возле старого базара. То же самое надо было делать сейчас, а потом подняться наверх. Там, наверху, в моей бедной студенческой хижине, запасов необходимых продуктов, даже сухого чая и сахара, не было. А у меня в кармане был всего один рубль и какие-то копейки. Если бы были деньги, надо было тратить минимум три рубля, чтобы можно было сегодня по-студенчески бедно, но все равно хотя бы пообедать, – был уже полдень, а я не только не пообедал, даже был без завтрака, – чай пить, а вечером поужинать. На мой единственный и последний рубчик же можно было купить один серый хлеб и сто пятьдесят грамм дешевой колбасы – так называемой колбасы «Отдельная», килограмм которой стоил два рубля двадцать копеек, хотя иногда в продаже была колбаса подешевле, например «Чайная», килограмм которой стоил один рубль семьдесят копеек. А на оставшиеся копейки завтра можно будет купить хлеб, сто грамм сыра – и все...

Недалеко от остановки продавали арбузы и помидоры. Я был удивлен: оказывается, во время сборов я был изолирован от внешнего мира, даже не знал, что уже арбузы появились и цены на них упали до десяти копеек за килограмм. Узнав это, я сразу же изменил свой план относительно покупок. Лучше я возьму буханку серого хлеба, небольшой арбуз и двести грамм сыра – обожаю есть арбуз с сыром и хлебом.

От рубля у меня останется двадцать копеек, а на них завтра куплю хлеб – и все... Но прежде чем что-либо купить, я должен был зайти в банк, который находился через дорогу, рядом с баиловской поликлиникой, где бесплатно обслуживали не только местное население, но и квартирантов, в том числе и меня.

В банке у меня счетов и вкладов не было. А туда надо было зайти, чтобы проверить две лотереи, которые были у меня в кармане, – все лето я их таскал с собой. Их тиражи состоялись месяц назад. В то время я был на сборах, а выход из военного городка, где мы жили, запрещался, поэтому не было возможности своевременно их проверить. Такая возможность только что появилась, а я уже собирался переходить дорогу и зайти в банк. В тот критический момент у меня была и какая-то иллюзорная надежда: может быть, эти лотереи что-нибудь выиграли. На лотереях что-нибудь выигрывать. Скажу прямо, практически это невозможно было. Я в этом убедился на своем личном опыте.

Каждая союзная республика выпускала свою лотерею. В Азербайджане же была своя лотерея; тиражи проходили каждый месяц, одна лотерея стоила тридцать копеек. Каждый месяц я покупал по три лотереи – хотел выиграть машину, и обязательно «Волгу», которая стоила сорок одну тысячу рублей. Выиграв машину, я хотел изменить свой статус и стать обеспеченным студентом. А как правило, ничего не выигрывал. Ну что за безобразие, когда же наконец выиграю я свою

машину? Недолго думая я нашел выход: если возьму больше лотерей, тогда непременно выиграю. В следующий раз, потратив половину своей стипендии, я купил шестьдесят билетов и стал с нетерпением ждать день розыгрыша. Наконец-то, вот и розыгрыш. Но вот беда: за исключением двух лотерей, которые выиграли по рублю каждая, остальные ничего не выиграли. После этого краха я убедился в том, что с помощью лотереи богатым не станешь, даже нельзя стать обеспеченным студентом. Я уже перестал покупать лотерейные билеты, а спустя некоторое время увидел, что в газетных киосках и на многолюдных остановках автобусов наряду с местными лотереями продают какие-то другие лотереи: это были лотереи ДОСААФ, их выпускала Москва, и каждый билет стоил пятьдесят копеек. Их тиражи проходили не каждый месяц, а примерно ежеквартально; там машин не было, но разыгрывалась дорогая мебель, ковры, картины, телевизоры... Я решил, что надо попробовать; ведь выиграв какую-то дорогую вещь, я смог бы значительно улучшить свое материальное положение. Поэтому, заплатив один рубль, я купил два билета. Правда, при первой попытке ничего не выиграл, но один из билетов принес один рубль, полностью покрыв все мои расходы, а это в какой-то степени меня даже обнадежило. При первой же возможности я их покупал, но не более двух, и все. А в последний раз – это было в середине июня – опять купил два билета. Их тиражи состоялись месяц назад. Но я был на сборах, и не было возможности вовремя прове-

ритель лотереи. Целый месяц я находился в состоянии неопределенности и точно не знал, выиграл или нет. Именно это и дало пищу моей и так живой фантазии, а там нужда уже подготовила хорошую почву. В течение месяца в моей голове вертелся вопрос: может быть, моя лотерея что-нибудь выиграла. Сперва это была слабая надежда. Но, как ни странно, с каждым днем она укреплялась, приобретала черты реальности и становилась все сильнее, со временем изменилась и ее формулировка: шаткое «может быть» отпало, на его месте появилось самоуверенное «наверное»: наверное, моя лотерея что-нибудь выиграла.

Наблюдая свое психологическое состояние, я пришел к выводу, что в условиях полной безнадежности я занимаюсь самообманом.

«Это, конечно, плохо, – подумал я. – Плохо и то, что я начал поддаваться самообману, практически уже в него верю. Человек сознательно обманывает себя, – думал я, – и сам начинает верить в свой же обман, чтобы у него была – пусть и нереальная, даже иллюзорная – какая-то маленькая надежда. Абсолютная безнадежность губительна, она разрушает человека преждевременно. Инстинкт самосохранения же борется с этим и, поступая по-своему, начинает действовать на сознание, заставляет человека заблуждаться, верить в какие-то нереальные, с научной точки зрения совершенно необоснованные идеи, чтобы как-то оберегать его».

Примерно так оценив ситуацию, я постарался избавиться

от иллюзорной и вместе с тем навязчивой идеи. Надо было освободиться от самообмана и на все смотреть трезво.

«Лотерея – всего лишь игра, – подумал я. – Безусловно, там есть и доля вероятности выигрыша; это и есть показатель добросовестности организаторов. Если организаторы совсем бессовестны, тогда доля вероятности выигрыша равняется нулю. А я считал, что обязательно выиграю».

Это испугало меня. Я решил, что это результат психологического напряжения; безнадежность и беспомощность сломали меня, я стал мыслить не как образованный человек – все же я уже был студентом пятого курса университета, – то есть научно обоснованно и трезво. Если манипулировать терминологией диалектического материализма, который мы, студенты всех вузов социалистической державы, хорошо изучали, – а я каким-то непонятным образом проявил даже особое пристрастие и эту науку освоил лучше всех своих сокурсников, и в обоих семестрах по диалектическому, даже по историческому материализму экзамены сдавал на отлично, – я стал мыслить как идеалист, по-моему, даже хуже: я стал мыслить как отсталый, безграмотный и суеверный человек. Этот вывод испугал меня. Я считал, что в моем сознании идет процесс деградации.

За время учебы минимум два-три раза в году у меня были серьезные трудности, связанные с деньгами. При этом я старался ни у кого деньги не занимать, а проблему решать, как говорится, за счет своих внутренних ресурсов. В запасе у

меня были мои ценные книги. Фундамент моей личной библиотеки, в которой теперь сотни очень хороших книг, заложен давно – в годы студенчества. Произведения классиков мировой литературы, книги разных серий – «Классики и современники», «Мастера современной прозы» и т. п. – я начал собирать тогда, когда еще был студентом. При переходе с одной квартиры в другую моим основным грузом были книги в картонных ящиках. А когда было очень трудно с деньгами, я с горьким сожалением бывал вынужден взять несколько хороших книг и пойти в книжный магазин «Букинист», который находился возле кинотеатра «Низами». Там же, говоря: «У нас такие книги есть», часть книг не принимали. А другую часть принимали с большим одолжением и по очень низкой цене, в лучшем случае за полцены. Приходилось соглашаться и на это, чтобы выручить хотя бы три рубля и не умереть с голода. Но на этот раз три рубля, вырученные в «Букинисте», ничего не значили. Мне нужно было минимум пятнадцать рублей, и то если стипендию дадут десятого сентября. Можно было надеяться и на хозяина квартиры, который мог бы одолжить мне эти деньги. Еще какая-то иллюзорная надежда была и на лотерею – не знаю почему, но это предположение выглядело более реально. В моей голове засела идея: наверное, моя лотерея что-нибудь выиграла...

Никогда в жизни я не был так одинок и беспомощен, и никогда в жизни я так не верил в какую-то призрачную идею. После страшного кораблекрушения Робинзон Крузо попал

на необитаемый остров. А как только пришел в себя, он понял, что на этом острове, кроме него, никого нет, не на что надеяться и нечего ждать какую-то помощь, – это было ужасно: ужас одиночества и беспомощности. Я тоже испытывал ужасы одиночества. Но в отличие от Робинзона Крузо я попал не на остров, а на полуостров, и вокруг меня было очень много людей. А вот надеяться на них или ждать какую-то помощь было бессмысленно. Это тоже ужасно. Вот в такой ситуации каким-то непонятным образом я надеялся, что моя лотерея что-нибудь выиграет.

С этой надеждой в душе я перешел дорогу и зашел в банк. А там за окошечком сидел молодой парень примерно моего возраста, но, в отличие от меня, человек очень спокойный и уверенный в себе. Видимо, его жизнь тоже протекала в очень спокойной и безмятежной обстановке. Я поздоровался с ним и спросил, есть ли у него номер газеты «Труд», где опубликовались результаты последних тиражей лотереи ДОСААФ.

– Да, есть, – ответил молодой человек.

– У меня две лотереи, – сказал я. Сразу же вытащил из кармана билеты и через окошечко передал сотруднику банка. – Проверьте, пожалуйста.

Через окошечко я стал наблюдать, как проверяют мои билеты. Это очень ответственный момент, и надо быть внимательным: могут обмануть, поменяв лотерею, подсунуть другую лотерею. Да, мир полон подлости, и потом трудно будет доказать свою правоту. Не прошло даже одной минуты, как

молодой человек сказал:

– Одна лотерея выиграла.

Он сказал это очень спокойно и совершенно без каких-либо эмоций, как будто хотел сказать, что троллейбус только что проехал, а следующий за ним появится через пять минут. Он даже не мог себе представить, какой взрыв эмоций спровоцировал во мне.

«Выиграл! Да, наконец-то я выиграл! – подумал я. – Как я надеялся и ждал! И вот наконец-то свершилось! Оказывается, месяц тому назад вопрос уже был решен и я выиграл. Вот почему я так сильно надеялся. Интересно, а что же я выиграл: мебель, ковер, телевизор?..»

Я не успел задать этот вопрос сотруднику банка, а он поднял голову и в свойственной ему манере совершенно спокойно сказал:

– Один из ваших билетов выиграл радиоприемник. Он стоит недорого, всего пятнадцать рублей. Хотите сразу деньги получить или же сейчас я оформлю, а вы через магазин получите свое радио?

«Ай да! Не больше и не меньше – именно пятнадцать рублей... А почему так мало? Пусть не мебель, не ковер, а радиоприемник. Но там же есть радиоприемники подороже; только рижский ВЭФ стоит сто два рубля.» – с горьким сожалением подумал я. А вслух сказал:

– Мне радиоприемник не нужен. Я хочу получить деньги.

– Хорошо, сейчас я дам вам деньги.

– А вторая лотерея как, она ничего не выиграла? – спросил я.

– Нет, из двух билетов только один выиграл. Можете и сами проверить, – так сказав, сотрудник банка через окошечко передал мне газету и оба билета.

А что было бы, если бы не пятнадцать рублей, а больше, например, тридцать, сорок, пятьдесят рублей? Тогда я купил бы полкило говядины, картошку, лук, зелень и бутылку вина. Наверху, в своей бедной квартире, сварил бы бозбаш, хорошенько пообедав, – был уже полдень, а я был не только без обеда, но даже без завтрака, – выпил бы за то, что успешно решил еще один практический вопрос и перешел на пятый курс, я уже студент пятого курса. Это же замечательно, и такие события надо отмечать. Основные трудности учебы остались уже позади. На пятом курсе надо сдавать экзамен по специальности, госэкзамен по философии и написать дипломную работу. Все сделаем – будем решать еще один практический вопрос. А сегодня день особый: я успешно сдал экзамен по военному делу и получил звание офицера – вот это надо отмечать. Но у меня очень мало денег: в кармане всего шестнадцать рублей. Я не имею права эти деньги бросать на ветер. Поэтому отмечать будем тогда, когда получим стипендию. А вот эта дрянь – вторая лотерея, – какая она бесполовая, ничего не выиграла. Если бы она выиграла хотя бы один рубль, тогда на это можно было бы купить бутылку вина. Только одна лотерея выиграла, и ровно столько, сколько

мне очень и очень нужно было, – всего пятнадцать рублей и больше ничего. Неужели там – говоря «там», я даже не знал, что имел в виду и где это так называемое «там» находится, – учет денег ведется так строго и точно? Интересно... Оказывается, там деньги дают только на самые необходимые нужды, и это тоже не всегда – только в исключительных случаях. На отдых, на развлечения даже копейки не дают. Да, все правильно. А что было бы, если бы моя лотерея ничего не выиграла? Это была бы катастрофа. Тогда из этого банка я вышел бы как дохлая курица. А потом пришлось бы просить деньги в долг у этого старика. Казалось бы, все очень просто: просить деньги в долг у человека, который тебя хорошо знает и у которого деньги есть. Но это так сложно и так унижительно! Вот представьте.

– Знаете, я уже сдал все экзамены и перешел на пятый курс, – так надо было начинать свое выступление, и это всего лишь начало, только первый шаг. Но как противно это и как бессмысленно! Спрашивается: какого черта я должен отчитываться перед ним? Ему самому нужно ли это? Это мое личное дело, и нельзя рассказывать об этом каждому проходивцу. Но все равно, раз начали, надо доводить до конца. – Как вы уже знаете, в течение двух месяцев я был на сборах в Нахичевани. За это время нам стипендию не давали, невозможно было и зарабатывать какие-то деньги, сезонно работая. Я только что, буквально час тому назад, сошел с поезда Нахичевань – Баку и прямо с вокзала приехал сюда. Все хо-

рошо, я жив и здоров. Только есть одна небольшая проблема: у меня денег нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.